

Регина Гумерова

ВОЛЧЬИ ТРОПЫ

18+

Регина Гумерова

Волчьи тропы

«Автор»

2023

Гумерова Р.

Волчьи тропы / Р. Гумерова — «Автор», 2023

Жители провинциального городка ведут спокойную жизнь, лишенную гаджетов и крутых машин, мечтают перебраться в большой город или попасть на бал в поместье графов, но они даже не подозревают, что люди, живущие в их заповедном лесу, остро чувствуют полнолуние и не зря ведут обособленный образ жизни. Откуда я это знаю? Я - одна из них, дочь вожака и его "любимый" бастард. Я - "обычная" девушка: читаю книги, лазаю по деревьям, исследую лес в поисках новых троп, работаю в кузнице и охочусь на диких животных. Впереди - моё последнее полнолуние и, если я не обернусь, то навсегда уйду в подземелья, чтобы жить в тени своей стаи. Но однажды самые страшные твари из сказок старой неней появляются в наших лесах, угрожая не только нашей тайне, но и всему нашему существованию. Смогу ли я обернуться и встать плечом к плечу с отцом в битве против зла или у меня другое предназначение?

© Гумерова Р., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. Эрика	5
Глава 2. Вожак	9
Глава 3. Моя семья	13
Глава 4. Волчьи тропы	17
Глава 5. Городок	20
Глава 6. Кузница	24
Глава 7. Оружие	27
Глава 8. Катерина	30
Глава 9. Охота началась...	35
Глава 10. Кабан	40
Глава 11. Это моя добыча!	43
Глава 12. Кожевенные дела	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Регина Гумерова

Волчьи тропы

Глава 1. Эрика

В тот день, несмотря на желание поспать подольше, я вышла из дома ещё до рассвета. Я хотела добраться до дуба, сотню лет возвышающегося над нашим лесом, забраться на ветку, которую отец грозил отпилить ни один год, и увидеть самый потрясающий рассвет на земле.

Бродить во мраке еще не наступившего утра казалось мне чем-то фантастическим. Страх не было. Я знала этот лес с детства и могла дойти до своего дуба с закрытыми глазами. Но меня будоражили те, кто жил во тьме зарождающегося дня. Удивительно, но вопреки укorenившемуся мнению, что нет времени, когда спят абсолютно все, мною было замечено, что именно часы перед рассветом самые тихие. Человеческий гомон стихает к двум часам, чуть позже прекращается стрекот сверчков, но волки и совы бодрствуют всю ночь, как и торопливые ежи, и суетливые мыши. Но примерно за час до восхода солнца все стихает, словно мир замирает в ожидании нового дня. Это время принадлежит кому-то более сильному и могущественному, нежели диким зверям или крикливым птицам.

Многорукие чудища на толстых ногах, покрытых чешуей, кричали своими острозубыми безмолвными ртами, осматривались вокруг пустыми глазницами и брели за мной во мраке ночи, пытаясь схватить цепкими лапами и уволочь в непроходимый восточный лес. Растения под ногами шептали, навевали дрему, зазывали на мягкие зеленые подушки, чтобы затем укрыть меня плотным ковром, хороня мое еще живое тело под высокой травой и пышными лесными цветами. Я выросла на сказках и легендах, что неней рассказывала нам с наступлением сумерек, освещенная тусклым светом растопленной печи. Они познакомили меня с тем миром, что сокрыт от глаз, но открывается, если дать волю фантазии, с миром потрясающим и ужасающим одновременно.

У неней было много страшных сказок в запасе: некоторые посвящены зверям и птицам, многоголовым, несуразным, извергающим разные жидкости и газы, другие рассказывали про погодные аномалии и затопления, но самая жуткая, которая и мою кровь заставляла стыть в жилах – это сказка о мертвецах, что бродят только по ночам и ловят юных дев, желая выпить их сладкую кровь до дна. Я хотела слушать эту сказку чаще остальных, снова и снова погружаясь в дикие картины, что рисовало мое детское воображение, вторя словам старой неней. Но отчего-то она рассказывала ее нехотя и крайне редко, словно боялась вызвать эти кошмары в реальность. И каждый свой рассказ она заканчивала словами: «Но вам бояться нечего, мои хорошие, они любят только маленьких непослушных девочек, как Эрика. Ух, Урыс! Утащит тебя какой-нибудь леший, и забудут все, как звать тебя было!» Словно каждая ее сказка была направлена на то, чтобы испугать именно меня. Но я ими жила! После сказок, мы с братьями и сестрой возвращались домой диким восточным лесом под покровом ночи. Ох, как меня завораживал этот страх, пробужденный зловещими рассказами неней, как будоражил он мою детскую кровь! Сестра шла, стиснув зубы, младший брат всегда брал меня за руку, чтобы не отставать, старший шел впереди всех, расчищая нам путь, и по его движениям не было понятно, напугал ли его рассказ.

Было ещё темно, когда я добралась до дуба и посмотрела вверх. Прохладный осенний ветер всполошил мои огненно-рыжие волосы, собранные в высокий хвост, и я плотнее закуталась в плащ цвета зеленого мха. Положив ладони на ствол, я на минуту прикрыла глаза, пытаясь успокоиться. Ребята из стаи опасаются высоты и не суются сюда, поэтому этот дуб стал для меня тайным убежищем. С тех пор, как я научилась лазать, меня сложно удержать вдали от

высоких деревьев. Каждый вечер, перепрыгивая валежник, наземные корни лип и дубов, продираясь сквозь кустарник дикой малины, который пытается оцарапать мои ноги, я стремлюсь сюда, к своему любимому месту в лесу, к дубу, что сейчас покоится под моими ладонями.

Его серовато-коричневая кора шершавая и толстая, но я вновь провожу пальцами по гладкому оголенному стволу – выбоине, что оставила моя сестра, и меня вновь окутывает злость и отчаяние. Она не должна была так поступать – сдирать его кожу, как она делала не единожды с мёртвыми животными. Но он был ещё жив! В тот день мне показалось, что я услышала его визг, и прибежала к нему, когда было уже поздно. Марина оторвала огромный кусок коры для работы в кожевне и принялась за следующий, когда я с разбегу налетела на неё и повалила на землю. Я смутно помню, как била её руками и ногами, несмотря на то, что она была крупнее и старше меня на шесть лет.

В тот день мне сильно досталось. Сначала от сестры, которая слишком быстро пришла в себя и дала сдачи. Схватив меня за тугую огненно-рыжую косу, она принялась возить меня лицом по шершавой коре и кричать, что дерево покалечит меня – либо так, либо когда я упаду с него и сверну шею. А вечером мне досталось и от отца. Он выпорол меня и запер на месяц в доме. Каждое утро, все тридцать дней, я провожала взглядом лесорубов, считая, что сегодня они срубят мое дерево под корень, и мое сердце разрывалось от боли. Но мои мысли и были мне наказанием. Спустя месяц, освободившись от запрета отца, я добежала до дуба и прижалась горячим лбом к его шершавой покалеченной коже. Он был на месте, столь же высок, величественен, и так же приятно пах влажным мхом и древесиной. Марина забрала лишь тот кусок коры, что успела отодрать. Прости меня... Я должна была остановить её раньше...

Сегодня я вновь прижала руки к дубу и без усилий забралась на самый верх. Корявые старые ветви топорщились в разные стороны, некоторые были слишком тонки, чтобы удержать меня, других было достаточно, чтобы опереться на секунду и продолжить взбираться, но тут была ветка довольно-таки прочная, чтобы выдержать мой вес. С неё хорошо видно реку, бегущую вдоль нашего леса, поляну за рекой. А за лугом, в низине, простирался Кошачий лес, упирающийся в горизонт и во время заката вбирающий в себя теплое солнце, погружая его во мрак своих бескрайних непроходимых дебрей. Самый невероятный закат на земле. Накануне вечером он переливался оранжевым и желтым сиянием. Вытянувшись во весь рост, я окинула тоскливым взглядом чуть светлеющее небо, а затем ощутила небывалое воодушевление. Как и каждый раз, стоя здесь, над лесом и рекой, словно над всем миром, что был маленьким и столь далеким от меня, я ощущала, что его тревоги и суета незначительны, их тяжесть более не давит на мои узкие, но сильные плечи. Я не похожа ни на волков с их стремлением быть всегда подле друг друга, действовать вместе и слаженно, ни на людей, жаждущих запереться в своих домах подальше от чужих глаз. Я равно хорошо себя ощущала и в одиночестве на вершине дуба, и посреди галдящей стаи.

Где-то внизу, бурля и перекатываясь, текла темно-серая в проблесках утреннего солнца безумная Пенелопа. Её не переплыть, не перейти, она мчится, как сумасшедшая. Не знаю, откуда она начинает свой путь и куда впадает, но порой кажется, будто что-то неудержимо влечет ее к себе, но она никак не может этого достигнуть. Нервничает, порой психует, злится, кричит в ярости, но никогда не отступает. Есть лишь один известный мне способ перебраться на ту сторону – автомобильный мост вниз по течению, что втыкается уже истончившимися от времени четырьмя лапами в ее бурные воды, словно боясь, что из глубины вот-вот выскочит мерзкое чудище и увлечет его в безумную гонку. Берег с той стороны вспучивался зеленым пологим холмом, летом пестревшим полотном цветов и ягод, а зимой сверкавшим девственно белым снегом. Справа оставался ветхий каменный дом, чья крыша давно накренилась в сторону реки. Никто не знал, кому он принадлежал и в каком веке построен.

Усаживаясь на ветке и по привычке подгибая ногу под себя, я размышляла о том, как люблю бывать тут вечерами, читать книгу в последних лучах уходящего солнца и размышлять

о чем-нибудь. Но боюсь, папа скоро выполнит свою угрозу и спилит мою ветку или вообще все дерево, чтобы не было соблазнов. Я не знаю, чего он боится. Что я свалюсь с дерева? С пятидесяти-то метров? Он прекрасно знает, что я все равно приземлюсь на лапы и не пострадаю. Или его волнует, что я сижу здесь вместо того, чтобы помочь матери с ужином? Она ненавидит, когда я кручусь возле неё, особенно на кухне. Или он считает, что книги забивают мою голову глупыми мыслями? Но книги это пища для ума, я буду голодать без них.

Окинув грустным взглядом шумную Пенелопу, звуки которой доносил до меня западный ветер, я поджала губы. Закатное солнце уходит в Кошачий лес, значит, рассвет стоит ждать с противоположной стороны. Повинуясь своим мыслям, я обернулась. За мной в глубине густых деревьев высился храм нашей стаи, чья выступающая полуразрушенная башня закрывала мне весь обзор. Мне доставались лишь скудные сине-желтые просветы на иссиня-черном небе, но основное действо было сокрыто. Отсюда я увижу солнце только через несколько часов. Я поднялась на цыпочки, пытаюсь найти лучший обзор, как вдруг цепкая ветка ухватила мою заколку и отбросила ее наземь. Волосы рассыпались оранжевым веером по ближайшим ветвям. Быстро связав их в узел и воткнув в него ту самую ветку, я помчалась вокруг храма. Темно-синее небо просветлело, пока я, перепрыгивая с ветки на ветку, пыталась обогнуть строение в поисках лучшего обзора. Я спрыгнула на землю и слегка отряхнулась. Меня окутал мрак спящего леса, ещё не потревоженного назойливыми лучами осеннего солнца. Я устремилась навстречу светлеющему небу, считая, что по земле смогу быстрее обежать храм. Подняв глаза вверх, я замерла от нахлынувшего на меня восхищения. Наш храм стоял, словно объятый огнем, желто-оранжевые язычки жгли небесно-голубое полотно – рассвет занимался. Самое интересное по-прежнему оставалось для меня сокрытым.

Откуда-то издалека до меня донесся едва уловимый шелест листьев и нарастающий хруст веток. Я резко обернулась. Настороженно оглядевшись, я пыталась определить источник шума, но лес все еще спал, и, кажется, неизвестный посетитель его не разбудил. Тогда как меня беспокоило его приближение. Я судорожно пыталась определить размеры зверя. Кто это: олень, кабан, волк или лисица? Явно, не копытное – не было характерного топота, лишь шелест. Смогу ли я одолеть его в случае столкновения? Я ещё слишком молода, чтобы не страшиться животных крупнее меня. Даже волка средних размеров мне вряд ли удастся одолеть без оружия, и тьма, до сих пор окутывавшая окружающие меня кусты и деревья, могла обернуться против меня. Животное стремительно приближалось. Я слышала, как оно набирает скорость. Куда оно бежит? Охотится оно или преследует? Но я не слышу шагов его жертвы. Или жертва тут я? Нельзя паниковать, нужно быть максимально собранной и готовой к бою. Мы уже сталкивались с волками. Они меня недолюбливали, а моих братьев старались обходить стороной.

Ещё мгновение, и зверь буквально пролетел в нескольких метрах от меня: лишь ворохом взвившиеся в воздух листья показали мне, что он бежал по земле. Мой охотничий инстинкт приказал мне преследовать его, не упускать, и я сразу двинулась за ним. Он бежал так же быстро, как и я, поэтому развив ту же скорость, я пыталась разглядеть его очертания. Зверь был очень крупным, высоким, и в какой-то момент мне показалось, что он бежал на двух ногах. Судорожно перебрав возможные варианты, я пришла к выводу, что это человек. Но разве люди могут бегать так же быстро, как я? Есть, конечно, Усэйн Болт, но я не думаю, что он стал бы бегать по нашим практически непроходимым лесам, в глуши чужой для него страны. Что он тут забыл? Или следующая олимпиада будет включать бег по пересеченной местности? Нет, это точно не человек. Скорее всего, какой-то крупный зверь, просто гигантский. Внезапно его резкий запах ударил в нос, когда я приблизилась к нему, и это почти остановило меня. Пожухлая... гнилая трава и... кора... или какая-то выпечка... Я откашлялась и поняла, что уже отстала от него на несколько сотен метров, поэтому вновь побежала за ним.

Его светлый силуэт искрился серебристыми нитями, его словно окутывал лёгкий дымок. Мне вдруг подумалось, что это мог быть волк из легенды о Серебристых волках, но тогда это

значит... К слову, они были первыми волками, от которых пошли такие, как мы. По легенде, это были гигантские волки, кровожадные и жестокие. Но люди их давно уже истребили, и лишь их дальние потомки сохранились в клане Серых. Сквозь густую крону деревьев я увидела, как солнце стремительно поднималось над горизонтом, и вскоре мрак, творящийся вокруг меня, рассеется. Может быть, тогда я смогу рассмотреть зверя? Если это и правда дух Серебристого волка, может быть, это знак, что я скоро обернусь? Эта мысль окрылила меня и заставила бежать быстрее, будто, если я нагоню его сейчас, то обращусь в волка в ту же секунду. Деревья вдруг стремительно расступились, и передо мной встали ворота поместья Вардов – неприступные, запретные для меня. Дух волка куда-то испарился: обогнул их справа, направляясь к горам, или слева, к обрыву, ведущему к бурной реке. Я решила посмотреть сквозь прутья, не туда ли убежал мой зверь. Приблизившись к ограде, я услышала, что от металла доносится какое-то слабое монотонное жужжание, и оно на секунду остановило меня от прикосновения. Этого хватило, чтобы отдернуть руку от прутьев, находящихся под электрическим током, и не убиться. Не может быть! Ограда под напряжением? Зачем? Столько лет тока не было, а тут... Если только... поместье снова не обрело своих жильцов! Я попыталась осторожно заглянуть внутрь, но густой виноградник почти ничего не дал мне увидеть. Я осмотрела окна, и мне показалось, что в одном из них я увидела силуэт. Это, конечно, могут быть лишь мои догадки, но, возможно, графы вернулись.

Зачем дух Серебристого волка привел меня сюда? Что я должна узнать, или о чем он пытается меня предупредить? По легендам Серых, увидеть духа волка – к обращению, но я не из Серых и вообще не должна была их видеть. Или должна? На секунду я замерла от пришедшей мне в голову мысли и, какой бы безумной она ни была, хотела верить, что это правда. Что, если моя мать была серой волчицей? Отец не позволяет о ней говорить, но это может быть правдой! Тогда это объяснило бы видение Серебристого волка... Я стану волком! Я стану серым волком!

Глава 2. Вожак

Вдалеке застучал дятел; в траве, почти у самых ног скользнула гадюка; еж зашуршал, ища яблоки, случайно упавшие по эту сторону ограды из фруктового сада поместья. Все собирались завтракать, и мне стоило поторопиться, иначе я могла пропустить свою трапезу. Поэтому я с досадой посмотрела сквозь железные прутья на серые очертания поместья, видневшегося вдалеке, и уныло поплелась домой.

Значит, в поместье Вардов снова кто-то живет? Интересно, отец в курсе? Он приказал не приближаться к поместью и никогда не сталкиваться с людьми, живущими там. Это запрет вожака, и он нерушим для меня. Они нам – не друзья, так он сказал. Думаю, все дело в сословиях. Мы – простые люди. А те, кто живут в этом поместье, происходят от настоящих графов. Ненависть между этими сословиями взращивалась веками, и не мне её осуждать.

Но мне хотелось рассказать эту новость моей подруге Кате. Наша мечта – выйти замуж за принцев стала более осязаема, что вызвало у меня довольную ухмылку.

Дорога домой заняла у меня не так много времени, и вскоре я ступила на расчищенную от густых деревьев поляну. Передо мной предстали уютные деревянные домики нашей стаи, двумя стройными рядами поднимающиеся на холм к храму. Дорога была утоптанной многочисленными ногами волков и хранителей, целыми днями снующих по своим делам. Даже трава уже не пробивалась сквозь плотную толщу земли, смешанной с глиной. В дождливые дни дорога становилась скользкой и неприятно чавкала под ногами. Мой дом был ближе других к храму, но оставался на почтительном расстоянии слева. В середине тропы, преграждая мне путь, стоял колодец, снабжавший нас питьевой водой. Каменная кладка основания выростала вверх деревянной треугольной крышей и маховиком, поднимающим ведро на толстой цепи. Около колодца всегда кто-нибудь был: может, из-за прохлады, что веяла от него, может, из-за вкусной ключевой воды, коей он был наполнен, а может, став негласным центром нашего лагеря, он привлекал всех к себе. Вот и сейчас рядом с ним, сгорбившись, стоял крепкий мужчина и что-то сосредоточенно делал.

Сквозь промокшую бежевую ткань на его широкой спине можно было различить напряжение каждой мышцы. Вскоре мужчина откинул назад копну светлых волос, и я поняла, кто это был. Могла бы догадаться. Этого огромного детину тридцати лет зовут Леща, и он один из хранителей, закрепленных за моей семьей. Но мои частые столкновения с ним уже пахнут преследованием. Я почти прошла мимо него, когда до меня донесся громкий оклик:

– Привет, сестренка!

На мгновенье остановившись, но, даже не подняв на него глаз, я двинулась дальше. Не собираюсь ему отвечать, и пора рассказать об этом отцу. Он переходит все границы! Его накажут, но он должен знать, где его место. И он совершенно мне не брат, у него нет семьи. По крайней мере, с тех пор, как он стал хранителем.

– Где была? – в тишине, нарушаемой лишь шорохом моих шагов, раздался другой голос, и я вздрогнула от неожиданности.

Я была так сосредоточена на Алексее, что не заметила присутствие другого хранителя. Мила... Назвать ее хранителем не поворачивается язык, и дело не только в ее огромном самомнении, но и в полном отсутствии гена волка в крови. И, несмотря на свою человеческую природу и весьма щуплое строение, она не выказывала и тени страха или покорности. Уперев руки в костлявые бока и почти запрокинув, обрамленное жидкими светлыми волосами, узкое некрасивое лицо с неестественно большим носом, она продолжила извергать ядовитые колкости:

– Тебя искал отец! Всыплет тебе как следует, будешь знать, как шататься по ночам!

– Тебе-то какое дело, Мил? – спокойно проговорила я.

Я не позволяла ей обращаться ко мне грубо. Я ещё не волк, но скоро им стану. У неё нет права оскорблять меня. Но она не отступала и язвила на каждом шагу. Мне пришлось остановиться, чтобы продолжить с ней разговор, от оскорблений я уже никак не могла уйти.

– Принесешь в подоле, а мне потом нянчить твоего ублюдка! Вот какое!

– Мила, прекрати! – вступился за меня Алеша, и уже не было смысла избегать его. – Ты не должна так говорить с ней!

Он подошел к нам вплотную и закрыл меня своей широкой спиной. Несмотря на мой высокий рост, он был выше меня и шире в плечах. Алеша стал бы крутым волком, если бы человеческая натура не взяла верх, запрещая обращаться. Я никогда не интересовалась, кем были его родители. Знаю, что он из стаи Белых. Значит, ростом он пошел в человека. Я съезжилась за его спиной и обняла себя за плечи, словно и впрямь нуждалась в защите. В какой-то момент я ощутила, будто он сильнее меня, но это было не так.

– А что мне за это будет? Да ничего! – Мила буквально выплюнула эти слова в лицо Алеше, в ней не было и тени страха. – Не мне, а вам, хранителям, за меня страдать!

Её слова задели меня за живое, но я промолчала. Негласное правило хранителей – вступаться за своих. Наказывают одного – терпят все, но я впервые сталкиваюсь с тем, кто пользуется этим правом во вред другим хранителям.

– Перестань! Просто уйди! – успокаивал ее Алеша, хотя я не считала, что меня надо защищать от кого-то, тем более от человека вроде Милы. Я вышла из укрытия его спины и хотела пройти дальше.

– Не тебе меня затыкать! Не имеешь права!

– Но я могу силой заткнуть твой поганый рот! Всем наплевать на тебя!

Я не верила, что Леша и правда может применить к кому-то силу. Но в данной ситуации я бы его поддержала, но сама не стала бы марать руки об этого недохраниителя. Никто его не осудит: ни волки, ни хранители. Последние могут драться хоть каждый день – никто не будет лезть в их разборки, главное, чтобы работа выполнялась.

– Попробуй, и посмотришь, что с тобой сделают, – прошипела Мила, и я остановилась, обернувшись на них. Она намекает на фаворитизм в стае? Чьей она может быть подстилкой?

Мила, самодовольно хмыкнув, ушла. А я пристально посмотрела на Алешу: он стиснул зубы и устремил на меня потемневший взгляд синих глаз. Это подтвердило мои подозрения. Похоже, Алексей знал больше меня. Стараясь убедить себя, что это не мое дело, я пошла к дому. Алеша догнал меня почти у порога и, взяв за локоть, развернул к себе.

– Ты в порядке? Она не должна была так говорить с тобой!

– Как и ты! – с нажимом на каждом слове прошептала я, боясь, что отец нас услышит. – Что ты себе позволяешь? Мне нужно поговорить об этом с отцом?

Он поджал губы и отпустил меня, отступив назад. Я мысленно корила себя из-за страха за его сохранность. Не я ли хотела сдать его отцу и прекратить эти преследования? Что за бессмысленная защита от несуществующих опасностей? Быстро откинув все мысли о нем, я уверенно вошла в дом.

– Дядя Макс сообщил о чистках в северных стаях... – услышала я обрывок разговора между отцом и старшим братом.

Окинув беглым взглядом обеденный стол, я с ужасом заметила, что вся семья уже в сборе. Значит, я опоздала. Оксана, стоявшая у плиты, приветливо кивнула мне и приготовилась подавать мой завтрак.

Отец, как и положено, сидел во главе стола. Огромный черный волк со строгим взглядом темных глаз, с тяжелыми бровями, сведенными сейчас в задумчивости, и грубой трехдневной щетиной, какой он покрывался каждый раз, когда перед ним стояла неразрешимая задача. Загорелое лицо отца было покрыто белыми струйками-шрамами, и ни один волос так и не сумел пробиться сквозь них. В детстве, сидя на коленях отца, я любила разглядывать их и счи-

тать: один – рассек бровь, второй – задел нос, третий – проложил путь через грубую кожу отцовской щеки от виска до верхней губы, четвертый – стянул нижнюю губу, и теперь она словно состояла из двух половинок, а пятый, самый тонкий, – сейчас пролегал где-то в недрах густой щетины от уха до середины подбородка. Отец никогда не рассказывал об их происхождении и не позволял к ним прикасаться, грубо откидывая мои руки, словно эти неглубокие шрамы до сих пор причиняли ему невыносимую боль. В отличие от лица, его тело было покрыто гораздо более глубокими шрамами, источников которых он также не выдавал. У отца была репутация сильного и мудрого вожака: его либо боялись, либо уважали. Его чёрные волосы, что топорщились сейчас в беспорядке, уже давно тронула седина. Говорят, это произошло после моего рождения, хотя он тогда был еще молод. Но отец никогда не выглядел стариком: подтянутый, широкоплечий мужчина, очень высокий, чему не был рад и потому сутулился. Он мог рубить лес наравне с молодыми, носить на плече бревна или ковать металл, даже не вспотев. Он был лучшим вожаком, какого можно было пожелать: молодой духом, крепкий телом и мудрый умом. Мой отец происходит из древнего рода Черных волков, долгое время не допускавшего смесей разных видов. Но мой дед, Эрик, будучи вожаком, нарушил это правило и позволил моему отцу жениться на девице из клана Белых. Именно этот брак стал причиной слияния двух, некогда враждующих, кланов. Все чистокровные черные волки отличались высоким ростом и скверным характером, в шутку подмечала я.

За столом, с одной стороны трое волков что-то бурно обсуждали, склонив друг к другу темные головы; с другой стороны мамА с улыбкой на устах что-то заботливо говорила моему светловолосому младшему брату, а тот смущенно ей отвечал и хитро улыбался. Передо мной словно было два лагеря, образованных по цвету волос: светлый и темный. Мои старшие сестра и брат получились черными волками, а Мишаня, мамин сын и мой самый любимый из братьев, – белым.

– Отец, – кивнула я. – МамА, Федор, Марин, Миш, – поздоровалась я со всеми, сидевшими за столом, и плюхнулась рядом с Мишей, подогнув ногу под себя. Мне не нужно было определяться с лагерем, я всегда выбирала Мишу.

– Про чистоту рук я даже не спрашиваю, Эрика, – устало проговорила мамА и поставила передо мной тарелку макарон по-флотски, торопливо переданную ей Оксаной.

У меня сразу потекли слюнки, но строгий взгляд отца не дал мне притронуться к еде, не помыв перед этим руки. Я показала их мамА, и та, продолжая недовольно хмуриться, кивнула мне в сторону тарелки. Её выющиеся, пшеничного цвета волосы были аккуратно убраны в тугую кубышку на затылке, а все выбившиеся пряди строго закреплены заколками-невидимками. Меж суровых, почти белых бровей залегла глубокая морщина – как всегда, когда она обращалась ко мне. Я не виню её. Всё-таки я – плод измены её мужа, и она вправе ненавидеть меня. Но она была единственной матерью, которую я знала, поэтому я с сожалением поджала губы.

Приступив, наконец, к макаронам, я попыталась вникнуть в разговор, но мой старший брат и отец понизили голоса.

– И что мы будем делать? Просто ждать? – прошептал Федор, жуя.

Чистки в стаях... Что это значит? С историей волков у меня всегда выходило туго, потому что неней считала её выдумкой. И почему это нужно скрывать от меня? В следующую полную луну я стану волком, а там пару недель до моего совершеннолетия, а значит, я выйду из разряда щенков и присоединюсь к их обсуждениям. Отец, кажется, одобрил мое решение стать бойцом. Он понимает, что мать из меня не получится, а тест на опекуна мне так и не засчитали. Место бойца позволит мне быть в совете вожака и знать, что происходит в стае и за её пределами. Но эти глупые правила: ограждать щенков от дел стаи – выводили меня из себя. Хотя я молчала, предаваясь размышлениям, Миша заметил, что я злюсь. Он отодвинул от меня тарелку как раз в тот момент, когда я вскочила на ноги и перегнулась через стол.

– Когда я стану волком, то не позволю вам шептаться между собой! – выпалила я, изрядно устав от бесконечных секретов моих волков.

– Ты сначала обернись, а потом уже козыряй этим! – хмыкнул Федор и тут же получил тычок в бок от Марины, после чего нахмурился и замолчал.

Меня так и подмывало сообщить им о видении Серебристого волка в лесу, но я не могла. Это вызовет вопросы о моей матери и её природе. А эта тема под самым строгим запретом вожака.

– Может быть, я не уникальный волк, как Федор, который обернулся за год до своего десятилетия. И я никогда не буду белым, столь редким видом в нашей стае, как Миша. Я даже допускаю, что не являюсь столь покладистой и удобной, как Марина! Но я стану волком и буду вашим вожаком, хотите вы того или нет!

– Я точно нет, – усмехнулся Федор, и я испепелила его взглядом.

– Я против, – уныло проговорила Марина, подняв руку вверх. – Но тебе ведь наплевать?

– Вот именно! – процедила я.

– А я бы посмотрел на это! – ехидно воскликнул Миша, на что получил мягкий подзатыльник от мамы.

– Когда я стану вожаком, – торжественно продолжила я, пока своими насмешками они не сломили мой дух, – то отправлю тебя, Федь, в Серебряные копи к дяде Максиму! Компенсируешь ему отсутствие наследника!

– И с чего ты взяла, что сможешь стать следующим вожаком? Ты ничего не забыла? – не выдержала сестра, кивнув в сторону Феде.

– А тебя я выгодно спихну замуж! Куда-нибудь в Тмутаракань!

– Я буду следующим вожаком! – взревел Федор, на что я самодовольно хмыкнула, сложив руки на груди.

– И не мечтай, Федорушка! – я всегда звала его так, когда хотела позлить.

– Вообще-то я здесь и еще не умер, – спокойно проговорил отец, скрестив пальцы у переносицы, и усмехнулся: – А вы уже власть делите?

– Папочка, – ласково начала я, мысленно поеживаясь, – тебе не обязательно умирать, чтобы сделать меня вожаком. Мы изменим эти несправедливые правила!

Я никогда не пользовалась особой любовью отца, но все равно старалась выступать на его стороне, даже если мне претило ему льстить. Я старалась. Честно.

– Это закон! – громогласно заявил отец, не любивший лести так же сильно, как и я. – Новый вождь должен убить старого, либо вожаком становится первый наследник после его естественной смерти. Поэтому тебе, Эрика, придется убить меня, чтобы стать вожаком.

Он поднял на меня испытующий взгляд, от которого я села и съежилась на стуле. Я поджала губы и задумалась, ковыряя вилкой в тарелке, но через минуту подняла на отца глаза, ошеломленная только что пришедшей в голову мыслью:

– Либо убить Федора, когда он займет твое место, да, пап?

Глава 3. Моя семья

В комнате повисло молчание, но прошло не больше минуты, прежде чем ее заполнил громкий залихватистый смех всех членов моей семьи; и даже хранительница, моющая в это время посуду, выронила тарелку из рук и принялась сотрясаться в хохоте. Громче всех смеялся сам Федор. Казалось, он хохотал всем телом: его массивные плечи и мощные бицепсы подрагивали в такт хозяину. Вскоре в окна уже заглядывали любопытные зеваки: дети, бегающие по двору, и хранители, спешащие по делам. Да, возможно, мысль была глупой. Но смеющаяся Оксана меня разозлила больше всех, поэтому я скинула со стола тарелку с недоеденным завтраком и одними глазами приказала ей убрать.

– Даже не знаю, – проговорил отец, сдерживая очередной приступ смеха, – выпороть тебя за дерзость или похвалить за смелость.

Я поняла, что от меня не ждут ответа, поэтому налила себе чаю и принялась усиленно на него дуть, чтобы выпустить свой внутренний пар. Я им покажу, чего стою. Они продолжали беседу, как ни в чем не бывало. Мое настроение было испорчено, и Мише было неуютно рядом со мной.

– Придешь сегодня посмотреть мою игру? Мы рубимся с заокеанскими волками! – гордо заявил Миша и поднял руки вверх, напрягая бицепсы. Я думала, что тут же услышу их боевой футбольный клич, но брат сдержался.

– Надеюсь, ты про футбол? – пытаюсь отвлечься, спросила я.

– Конечно.

– Хм. Так вы же опять выигрываете!

– Ну, так у них лучший нападающий в истории школы, – ехидно заявил Миша, тыча себе в грудь большими пальцами.

– Они до сих пор не заметили, что ты в одиночку играешь за всю команду?

– Я и Сёмыч! Так ты придешь? – несмотря на всю напускную крутизну моего младшего брата, я видела в его глазах страх, что я могу отказаться, и надежду, что я всё-таки приду.

– Глупый вопрос, братишка! Я не пропустила ни одной игры, – улыбнулась я и легонько толкнула его.

– Эрика, захвати мешок с кожей и разложи куски в моей мастерской. Я ими потом займусь, – спокойным, но жестким тоном проговорила Марина, не удостоив меня взглядом.

Марина имела большую популярность в стае. Самая завидная невеста: ремесленник и дочь вожака. И если Федор не даст потомства, которое могло бы возглавить клан, то ее будущий муж – второй на очереди престолонаследия.

– Почему ты не отнесешь их сама? Почему я? Они воняют! – взвилась я, в который раз пытаюсь улизнуть от её кожаных дел.

– Эрика, не груби сестре!

– Оставь, мам. Она все равно сделает то, что я сказала. И я не обязана перед тобой оправдываться, Эрика. – Её суровое лицо было подобно лицу матери: те же брови, но темные, сведенные в недовольстве; тот же миндалевидный разрез глаз, только темно-карих, полыхающих сдержанной холодной яростью и силой; те же широкие напряженные скулы и тонкие губы, плотно сжатые, как и всегда при разговоре со мной.

Все они сдерживались, чтобы не наругать, чтобы не накричать, чтобы не выгнать меня, потому что не имели на это право.

– Просто это вызывает некоторое подозрение. Откуда у нашей семьи столько шкур диких животных? – я пыталась хоть как-то превратить их холодные приказания в дискуссию, постепенно ведущую к моей правоте.

– Мы хорошие охотники, – приподняла суровую бровь Марина.

– Да, но ни у одного нормального человека нет такой дикой тяги к охоте, как у нашей семьи.

– Это потому, что мы волки, Эрика, – сказал Миша и самодовольно откинулся на спинку стула.

– Да. Волки, Эрика, – усмехнулась сестра.

– Эй! Я не это имел в виду, Марин! – вскинулся Миша.

– А ты никогда не имеешь ЭТО в виду, но ляпаешь вечно невпопад! Иногда лучше молчал бы...

Они продолжали кричать, но я их уже не слушала. Охота была моей самой большой страстью и самым огромным стыдом. Я теряла над собой контроль, позволяя себе погрузиться в пучину наслаждения процессом, выпуская на волю все мои дремлющие инстинкты и животную натуру. Долгое выслеживание. Неспешное наблюдение. Наслаждение, когда моя жертва ощущала мое присутствие. Ее страх имел свой сладковатый запах. Погоня, которую я порой искусственно затягивала, то подгоняя, то чуть отпуская жертву. И, наконец, убийство... Когда в твоих руках зверь брыкается и вырывается, бьется в иступлении, страшась смерти... или боли... Когда рассекаешь горло острым лезвием, перебивая артерию... Когда животное начинает истекать кровью, содрогаясь в конвульсиях, и ты наслаждаешься его предсмертной агонией... и когда жизнь постепенно тлеет в его глазах и затихает навсегда... А потом... когда я, наконец, прихожу в себя после содеянного, я ужасаюсь своим поступкам: стыжусь своих чувств, своего наслаждения, своих действий... Что я такое? Кто я, раз способна на такое?

Волки охотятся ради мяса, только ради еды. У них всегда четкий план преследования, загона животных в ловушку и быстрого убийства. Затем они доставляют животных Марине. Она отделяет мясо от шкуры и отдает его обратно. А я... Когда я впервые обнаружила, что охота превращает меня в монстра, я испугалась... Оказалось, я бросала свои жертвы в лесах, где потом их находили другие охотники. Я почти ничего не помнила о процессе и о том, что делала. Только красная пелена, заволакивающая мои глаза, удовольствие, наслаждение, сладостный аромат крови. Это ужасно! Омерзительно! Я омерзительна!

– Мариш, сразу приступай к работе, как кожа будет готова, – строго, но с теплотой проговорил отец, словно не слышал нашего спора. – И, Эрика, ты не сможешь пойти на игру. Мне нужно съездить с шерифом по делам, а тебе нужно привезти кузницу в порядок.

– Но отец... для Миши это важно, я должна пойти!

Он поднял на меня тяжелый взгляд, и я тут же уткнулась в тарелку, ускорив поедание макарон. Внутри меня всё полыхало от ярости и негодования, но я замерла от страха перед гневом отца.

– Миша, как твои успехи с историей? – теперь очередь дошла и до Миши. – Я говорил, что ты будешь играть в футбол, только если подготовишься к экзамену по Истории волков.

– Я всё выучил! Честно, – слишком поспешно ответил Миша, и все разом посмотрели на него, даже я подняла на него удивленный взгляд. – Кое-что осталось непонятным, но... Эрика как раз хотела мне помочь с этим после игры...

Все перевели взгляд на меня, и я снова уткнулась в тарелку.

– Миша, – гневно начал отец, – что я говорил про ложь?

– А почему сразу ложь? – хором спросили мы с Мишей и улыбнулись друг другу.

– А потому что Эрика предпочла готовиться к экзамену по сказкам неней, а не по учебникам! Поверь, она ничем не может тебе помочь!

– Неней рассказала мне больше, чем эти скучные учебники! В их пересказе не было той глубины, что в...

– Это всего лишь сказки... – выдохнул отец.

– В истории волков написано больше сказок, чем рассказывала неней! – я упрямо посмотрела на отца, а он лишь холодно сверлил меня взглядом. Этот спор начался много лет назад,

когда еще была жива неней, и до сих пор я продолжаю его, теперь уже в полном одиночестве. Этот спор бессмыслен и бесконечен.

Я не могла сказать ему, что не могу изучать историю волков, если считаю ее неправдой. Однажды я поняла, что книги Черных волков разительно отличаются от рассказов неней. То ли дело было в том, что она была белой волчицей, то ли мои волки намеренно утаивали часть своих «подвигов». Но с тех пор мои знания основаны лишь на рассказах неней. Хотя Миша считает: «Неней нужно слушать вполуха. Она немного не в себе, и, хотя мы ее любим, нельзя так слепо верить ее видению мира». Марина сказала, что, как бы я не отстаивала правду неней, последняя всё равно никогда не полюбит меня как внучку. А Федя возмущался, почему меня вообще вынуждают ходить к неней, хотя мы даже не родственники. В итоге мы сошлись на том, что родители хотели это время провести вдвоем.

– Ты не пересдавала? – удивленно обернулся Миша ко мне, словно не слышал моей тирады по поводу достоверности сказок неней.

– Мне не говорили, что мои ответы не верны! Экзамен я сдала. Я хотела стать опекуном и обучать молодняк, но мне было отказано. Из-за сказок неней? – бушевала я, бурявая взглядом отца.

– Рыжик, ты же вроде вожаком собиралась стать? – ухмыльнулся Федор.

– То, что ты ответила, шериф, как главный опекун, решил засчитать, – ушел от ответа отец и снова обратился к Федору: – Серые обещали нам прислать кое-что полезное. Но пока желательно помалкивать об этом в стае. А мне нужно переговорить с шерифом насчёт приезжей футбольной команды. Они тут не к месту, здесь становится жарко. Сразу после игры пусть убираются отсюда.

Я подавила желание снова поднять вопрос о моем экзамене и перевела взгляд на Мишу. Он продолжал напряженно смотреть на меня, и его глаза, полные смятения и отчасти понимания происходящего, полностью отражали мое внутреннее состояние. Мама также пристально наблюдала за мной, но я игнорировала ее взгляд. Семья уже приписала меня к хранителям, будто у меня нет шансов стать волком... Первое обращение молодого волка происходит с десяти до восемнадцати лет, до совершеннолетия. Поэтому детей стаи с десяти лет каждое полнолуние запирают в кельях, расположенных в холодном подземелье под храмом, вместе с другими обращающимися волками. Отец сказал, что осталась одна полная луна до моего совершеннолетия. Хотя по его поведению я поняла, что мое обращение маловероятно. Всего одно полнолуние... и я стану хранителем. Я не должна позволять им внушить мне это! Сегодня мне явился дух Серебристого волка. Это предзнаменование, я уверена.

Покончив с завтраком, мы стали выходить из-за стола и собираться в дорогу; кроме мамы, у которой оставались дела по дому, и она раздавала поручения Оксане. Я встала последней, мечтая, что Марина забудет о своей коже, и я смогу сбежать в кузницу по-тихому, но она никак не выходила из дома.

– погоди секунду, – схватила меня за рукав мама, прервав беседу с Оксаной. Той оставалось только покорно отойти и дать нам поговорить.

– Думаю, для меня заданий на сегодня достаточно, не находишь? – огрызнулась я, хотя мама еще ничего не сказала.

– Ты помнишь сказки неней? – улыбнулась она, проигнорировав мой выпад, и ее взгляд вдруг стал по-детски милым и наивным, словно мысленно она была далеко отсюда.

– Ну да. Хотя у нас с неней были натянутые отношения, сказки у нее были потрясающие, да и слог хороший.

– Натянутые, не то слово. Сколько лет она и на порог тебя не пускала, несмотря на мои уговоры.

– Суровая была бабуля, – ухмыльнулась я, вспомнив вечно недовольную старушку в коричневых гамашах, даже в жаркий день, черных галошах, цветастом халатике с коротким

рукавом и белым, в мелкий цветочек, платком, повязанным поверх толстой кубышки, скрепленной сотней шпилек на макушке. Она выбивалась из общей массы волков не только своей неординарностью, но и возрастом. Кроме неё пожилых волков в стае не было, и тому была веская причина.

– Ладно, беги! Я и так тебя задержала, – мягко проговорила мама, и я быстро огляделась.

Никого, кроме нас и Оксаны, в доме не было. Я обрадовалась, что все уже разошлись и мне остается лишь налегке отправиться в кузницу. Я взяла свой плащ, который бросила у порога, и вышла из дома.

Глава 4. Волчьи тропы

Когда я вышла во двор, натягивая плащ, мои мечты о неспешной прогулке рассыпались в пыль. Я увидела сестру, что нетерпеливо топталась на крыльце в обнимку с огромным рюкзаком. Марина сразу же поспешила надеть его мне на спину, чтобы я и не думала сбежать. Мишка посмотрел на мое недовольное лицо, быстро чмокнул меня в щеку и убежал на свой футбол, оправдываясь тем, что Семыч его уже давно ждет. Отец пошел к главному охотнику, дяде Андрею, обсудить завтрашнюю охоту. А Федя взял из рук подошедшего к нам Алеши топор и направился в лес. Мы с хранителем встретились взглядами, и я тут же недовольно поджала губы. Он казался обиженным или виноватым. Но какое мне вообще дело до его чувств? Зачем он выпросил работу именно в нашей семье? В стае были куда более интересные и легкие задания. Но нет. Он безропотно точил нам ножи, топоры, приносил воду, иногда даже подметал пол – делал всю скучную работу, наряду с Оксаной. И хотя мы с братьями и сестрой также помогали по дому, его всё равно к нам взяли. И теперь мы вынуждены постоянно сталкиваться. А мне приходится терпеть его чрезмерную опеку.

Федор с кем-то разговаривал, стоя чуть поодаль от нас, и я перевела взгляд на него. Иван. Вот еще одна заноза! Ростом он был ниже Феди, но высокомерие с лихвой компенсировало этот недостаток. Всегда аккуратная щетина с выстриженными вензелями – и где он только откопал хорошего барбера в этом захолустье? Выбритые виски, копна русых волос, что топорщились в беспорядке, маленький заостренный нос и дерзкая ухмылка тонких губ, обычно надменно изогнутых. Сколько женских сердец пострадало от этой «улыбочки», но только не мое. Я не куплюсь на эту мишуру, и Ивану трудно соперничать с объектом моих грез. Он попрощался с Федькой и развязной походкой направился к нам. Ну что ему еще от нас нужно? На ходу оттолкнув Алешу, хотя мог и обойти его, он подошел к нам с Мариной. Он выглядел каким-то сконфуженным, даже глуповатым. Марина нервно дергала ремешки на моем рюкзаке, словно пытаясь закрепить его понадежнее, но к Ивану не оборачивалась.

– Что за прелестное создание томится у порога? Не меня ли оно ждет? – засунув руки в карманы, он приподнял плечи и в смущении переступал с ноги на ногу. Обращаясь к Марине, он становился таким невинным зайцем, что я переставала его узнавать, как, впрочем, и сестру. Вместо сдержанной, холодной неприступности возникала вдруг нервная, неуверенная в себе девица, которая то стыдливо прячет глаза, то вдруг горделиво вскидывает голову. Позерство какое-то! Я не доверяла Ивану, и мне не нравились его ухаживания за моей сестрой.

– Не по тебе ее томления и вздохи! – выпалила я. – На тебя возникает лишь изжога!

Иван надменно усмехнулся, а Марина испепелила меня взглядом. Вот дура!

– Сегодня на удивление солнечно и светло! Оказывается, проснулась самая яркая звездочка во Вселенной и осветила всё вокруг! – жеманно продолжал он, не сводя глаз с моей сестры, на что та приподняла одну бровь и скрестила руки на груди. Не желает его общества, но и никуда не уходит.

– Звезды бывают только ночью и светят не так ярко! А днем светит солнце! – съязвила я, пытаюсь охладить пыл дерзкого Ивана, но он даже ухом не повел.

– Солнце тоже звезда. Но Марина – во сто крат ярче! – Он привалился к балке крыльца и поднял на мою сестру дурманящий голову взгляд. Ну, всё, она в ловушке.

Я почувствовала себя глупой, позволив Ивану обставить меня в словесной перепалке. Я читаю столько книг, но по-прежнему уступаю таким неучам, как он! Значит, надо читать больше! Сестра толкнула меня плечом и глазами приказала топтать в лес. Я нахмурилась, проходя мимо Ивана, и обернулась к сестре:

– Марин, а ты идешь?

– Я же сказала, что подойду позже! – недовольно буркнула Марина и встала с другой стороны балки, оказавшись рядом с Иваном. – А ты иди!

– Вань, а тебе не пора на работу? – не унималась я. – Федя с другими лесниками уже ушли!

– Я договорился, что буду попозже. У меня есть более важные дела, – медовым голосом проговорил он, не сводя глаз с Марины.

– Неужели ты собираешься его слушать! Хочешь быть одной из многих?

– Да что ты несешь, девчонка! – взвился Иван, и в его взгляде я заметила неподдельный гнев, даже страх. – Я признаю, что был расточителен в общении с дамами, но Марина раскрыла мне глаза на женскую душу, на чувства, и мне теперь стыдно за себя прошлого. Есть лишь надежда, что отныне я буду двигаться только к свету, – проговорил он, сверля взглядом сестру, и закончил: – Если мой нежный проводник меня не покинет, конечно?!

– Как будто у меня есть выбор, – гордо произнесла Марина, глядя на него из-под приподнятых бровей, но я понимала, что за этой надменной строгостью скрывалось пылающее желанием сердце – желанием быть любимой.

На это я ничего уже не могла ответить. Я бы хотела уберечь сестру от пожирателя женских сердец, но иногда человек не хочет, чтобы его спасали. Поэтому я пошла к лесу, ничего больше не сказав.

Наш двухэтажный особняк, как я называла его, находился на опушке леса недалеко от храма Полной луны. Остальная часть стаи разместились в жилищах вокруг дома вожака, и лишь несколько семей обосновались в городе. Главное условие – мы не должны привлекать внимание.

Девичий виноград, словно гигантский мохнатый леший, обнимал наш особняк. Он запустил свои многочисленные плети-руки в самые разные уголки дома, огибая моё окно, просушил их под кроваво-красные черепицы крыши, вспучил глиняные выступы, прикрыл потолок внутри здания своими зелёными пальцами, превращая нашу обитель в пристанище друидов, словно мы намеренно пытаемся быть ближе к лесной чаще. Как будто самой нашей волчьей природы для этого недостаточно. С наступлением осени остролистный плащ нашего дома-лешего постепенно превращался из темно-зеленого в темно-красный. Сначала особняк покрывался алыми и оранжевыми брызгами, затем редкие листья начинали ржаветь из центра, постепенно багровея к краям. Издали они казались кровотокающими ранами, что вскрылись по осени, не выдержав порывистого ветра, молний, то и дело разрывающих в ярости небо, и грома, грохочущего так отчаянно, будто раздавался внутри тебя и сотрясал с головы до ног.

У кромки леса меня нагнал Алеша.

– Давай я понесу твой рюкзак?

Я посмотрела на него долгим взглядом и стиснула зубы. Не знаю, как лучше ему ответить, чтобы он понял.

– Я в состоянии донести его сама! Вскоре я буду в сто крат сильнее, чем ты. Мы слишком различаемся – и не только тем, что у меня есть семья, но и тем, что у меня есть надежда! Сегодня мне явился дух Серебристого волка! – гордо вскинув голову, проговорила я. – Поэтому оставь меня в покое!

Я пошла дальше, оставив его размышлять над моими словами. Некоторые просто не понимают, когда переходят границу! И зачем я сказала ему о духе? Чувствую, что зря, но слов уже не вернуть.

Вступив в лес, я попыталась откинуть все мрачные мысли о своих поражениях и погрузилась в особую атмосферу – спокойную, размеренную, полную привычных запахов и звуков. Вытоптанная тропинка, ведущая в город, была расчищена от поросли главенствующих здесь деревьев, от высокой режущей кожу травы и крушины, от упавших веток и поваленного сухостоя. Украшением ее по праву можно было считать раскинувшиеся по обе стороны высокие

папоротники и полевые цветы, что всё лето обрамляли ее синими и желтыми мазками. Лесники заботились о чистоте этой тропы, как единственной ведущей в город. По их мнению.

Для меня же существовало множество троп и тропинок, а также тысячи способов, которыми можно было преодолеть это расстояние. Любимой тропой была та, что уходила вглубь леса чуть левее основной дороги. Я проходила по ней с наслаждением, перепрыгивая сухие ветки и несколько поваленных рябин, о которых, кажется, все позабыли; цепляясь за деревья и высокие ветви сосен и дубов – так можно преодолеть высокую режущую траву и заросли колючей малины; минуя почти расчищенный мной участок, где есть небольшой просвет в ветвях, через который сюда пробивалось солнце. Здесь я любила вздремнуть, растянувшись на клетчатом пледе и подставив лицо рассеянным лучам. Дальше снова шло препятствие – в виде кустарниковой вишни: могучие деревья, окружившие ее, не давали ей возможности занять ярус повыше. Там я двигаюсь ползком, другого способа так и не придумала, и в дождливую погоду стараюсь обходить эту тропу. Но избегать ее совсем, мне не позволяет дух приключений. Когда проползая под низкими ветвями вишни по проложенным мною узким туннелям, виляющим между толстыми стволами сосен и берёз, я воображаю себя в стане врага, оглядываюсь на каждый шорох, замираю или пригибаюсь ниже к земле, воображаю опасность, что подстерегает меня на каждом шагу, понимая, как я уязвима в этот момент, что не смогу бежать или изменить курс, если напорюсь на засаду, и это подстегивает меня ползти быстрее. Но порой фантазия выходит из-под контроля, настигает меня, словно лавина, заставляя холодеть от страха, и я пытаюсь остановиться уже на грани сотрясающей меня истерики, чтобы отдышаться и успокоить разум, чтобы не надеть глупостей и не оцарапаться. В эти моменты воображение начинает играть со мной в весьма жестокие игры, заставляя корчиться под сухими нижними ветвями вишни в ужасе, позволяя им впиваться в мою кожу, грозясь воткнуться в глаза или губы. И хорошо, если удастся остановиться прежде, чем ветви разорвут мою одежду и плоть. Но обойти эти туннели просто не хватает силы духа.

Есть другая тропа, длинная и извилистая. Петляя, она огибает самые непроходимые препятствия и ведет вдоль красот этого леса, позволяя насладиться запахами диких яблонь весной, вкусом спелых вишен и малины летом, красочными оранжевыми гроздьями рябины осенью и видом пушистых аккуратных елей зимой. Она ведет к моему дубу и проходит вдоль шумной Пенелопы, где по пологому берегу в тени раскидистых ив ютится сладкая ежевика. И есть еще тысячи вариантов этих троп, которые едва ли знакомы кому-то лучше, чем мне.

Я настороженно огляделась по сторонам и принялась, чтобы убедиться, что на километры вокруг нет людей. После чего, подтянув ремни рюкзака, побежала по тропинке. Из тысячи вариантов мне, с тяжелым и неповоротливым рюкзаком, пришлось выбрать прямую дорогу к городу, расчищенную и скучную. Какую скорость я смогу развить сегодня? В прошлый раз я добралась до города за пятнадцать минут. Я чувствовала, как тело набирает скорость, открывая в себе все новые силы, будто мышцы постепенно просыпаются, включаются в работу и помогают мне бежать еще быстрее. Ветер в ушах заглушал все посторонние звуки, позволяя мне не отвлекаться от преодоления препятствий в виде редких корней дуба, каштана и лещины. Лес слишком поспешно расступился, и я, снизив скорость, перешла на быстрый шаг. Почти не запыхавшись, я нехотя вышла из тени искусственно насаженных тополей на асфальтовую дорогу, и мне в нос ударил запах нагретого гудрона и ненавистного мне табака от сигарет старой марки «Прима», а еще повеяло теплым влажным ароматом города, словно перед дождем. Людям нельзя заходить в лес, это территория заповедника. Здесь встречаются дикие животные, которые могут быть опасны городским жителям. Поэтому многие десятилетия в лесу живет только стая. Звери не боятся нас из-за запаха, но и не нападают, чувствуя наше превосходство. Но люди считают, что мы знаем безопасные тропы и поэтому не боимся жить в диком лесу.

Глава 5. Городок

Пекарня открылась раньше обычного, что я благодарно учуяла по аромату ванильных булочек с корицей, затмившему запахи города. В голове лишь промелькнул фрагмент утренней пробежки. Проходя мимо кирпичного здания полицейского участка, я уважительно кивнула шерифу, высокому широкоплечему мужчине средних лет с длинными темными усами и аккуратно подстриженной бородкой. Он был начальником нашей полиции, но все называли его шерифом на иностранный манер. Он стоял у входа, заправив большие пальцы за пояс и, наверно, ждал моего отца. Чуть дальше, у аптечной лавки, толпится народ. Все хотели купить новые целебные травы: чабрец, зверобой и листья черной смородины, которые мы собирали в прошлом месяце. Машка говорила, что на сушку и подготовку уйдет несколько недель, но оно стоит того, чтобы подождать. А ещё она заваривала потрясающий чай из этого сбора, от чашечки которого я бы сейчас не отказалась.

Я услышала звонок велосипеда, прежде чем двухколесник успел доехать до меня, поэтому успела увернуться от подзатыльника курьера Семы и шутя наподдала ему вдогонку. Светловолосый паренек обернулся, смеясь, и едва не потерял из-за этого равновесие. Его усыпанное конопушками лицо охватил испуг, но он умудрился не упасть. Обернувшись снова, он хитро улыбнулся мне, и я поняла, что это не последняя его попытка. Значит, Семыч развозит этим утром почту, а совсем не ждет моего младшего братца на футболе! Ах, негодник! Миша обманул меня, лишь бы не помогать с рюкзаком и не вступать в перепалку с Мариной...

Впереди было самое трудное в моем путешествии – заправочная станция. Она стояла практически на окраине города, как и наша кузница. Заправка была не для местных жителей, её установили крупные города, между которыми находился наш поселок, чтобы заправляться могли люди, проезжающие по трассе. Хотя от шоссе до нас было ещё немало километров, но заправка пользовалась популярностью. Здесь было много посетителей, и поэтому вскоре это стало любимым местом наших «барби».

В стае принято одеваться скромно, поэтому необлегающие льняные брюки и туника бежевых тонов – мой обычный наряд. Кожу, которую шила Марина, я не любила: она плохо пахла, и в ней мне было тесно и жарко. В нашем городе есть девушки, которым позволено практически всё. Я называю их «барби». Банальное название для популярных, красивых и раскованных особ. Я остановилась у заправки и заметила барби, моющих машины. «Поможем голодающим рублем!» – гласила надпись на транспарантах. Я считала, что вся эта благотворительность лишь прикрывает их страстное желание продемонстрировать свои красивые фигуры мужчинам любых возрастов и повысить свою самооценку. Белые майки, чуть прикрывающие бюстгальтер, мини юбки и босоножки на высокой шпильке, шикарно уложенные волосы – не лучший наряд для мытья машин, но это не та цель, которую они преследуют. Парни, конечно, пожирают их глазами, ожидая, когда же кто-нибудь из барби намочит свою майку.

С гордым видом проходя мимо них, я окинула взглядом парня, сидящего в машине шерифа, которую барби намыливали в этот момент. Антон, мы называли его Тони, сын шерифа. Видимо, отец поручил ему заправить машину, либо он сам выпросил это задание. Черные блестящие волосы, гладко уложенные назад, большие темные глаза, от взгляда которых перехватывало дух, и белоснежный оскал, что вызывал в моих коленях приятную дрожь. У него была идеальная родословная, без примесей. От него веяло силой, стойкостью и угрозой – идеальный кандидат в вожаки стаи. Но пока он был слишком молод, чтобы его занимали подобные мысли, и слишком увлечен человеческими девушками из клана Барби. Ох, как я их ненавижу! Чтоб они облысели! Я понимаю, почему на меня он даже не смотрит.

– Оу, Тони, что это за ошеломительный трек звучит в твоей тачке? – протягивая каждый слог, проговорила белобрысая барби Саша. Кажется, песня была хорошей, но я не понимала такой музыки.

– Это новый, – гордо заявил Тони. – На днях наконец свёл, ну и от себя добавил, как обычно.

Он вместе с моим братом Федором входил в отряд лесников: они занимались прореживанием деревьев, которые отмечал старший лесничий. Но делал без особого энтузиазма. Все прочили ему место в полиции, но это не то, чего он хотел на самом деле. Его влекли огни большого города, вечеринки и музыка, которую он сочинял на досуге. Тони часто был ди-джемеем на школьных дискотеках, и у него неплохо получалось. Но по этой причине он никогда не танцевал медляки, поэтому и мне приходилось стоять в сторонке, следя за переменами в его лице под светом разноцветных огней, и пытаться поймать его взгляд.

– Круто звучит! Скинешь мне потом. Заберу в город, – улыбнулась Саша и отошла к девушкам, качая бедрами.

На их фоне я едва заметна, как серая пожухлая трава. А ещё угроза стать хранителем совершенно лишает меня возможности бороться за внимание Тони. Волки женятся только на волчицах, желательно своей масти. Некоторые развлекаются с хранителями, но это запрещено. Хранителям позволяют жениться между собой, но только без потомства. Эти запреты обоснованы – они ведут к появлению новых хранителей. Я не знаю, кем на самом деле была моя мать. Возможно, и правда серая волчица. Тогда я могу стать серой или черной волчицей, либо хранителем, как бывает у детей разномастных спариваний.

Конечно, с детства меня воспитывали как волка, черного волка. И теперь мысль о том, что я могу им и не стать, гнетет меня. Я бы хотела стать черной волчицей, выйти замуж за Тони и обрести семью с кучей детей. И не гадать, кто из моих детей волк, а кому грозит участь хранителя. Хочу нормальную полноценную семью.

– Эй, лохудра! Что у тебя в рюкзаке? Трупы маленьких котят? – заметила меня Саша.

– Ничего остроумнее придумать не в силах? – грубо отозвалась я и попыталась пройти дальше.

– В университете, куда я зачислена, к твоему сведению, считают, что у меня острый ум! Как, кстати, и коготки, которые я не постесняюсь применить! – Остальные барби громко поддерживали её восторженным улюлюканьем.

– А в этом университете нормально относятся к твоей склонности к насилию? Или там ты про свои коготки не говорила?

– А я смотрю, ты учишься язвить! Жаль, тебе это не поможет при поступлении в универ, да? – Она притворно скривила губы, делая вид, что ей очень меня жаль.

Барби громко заржали, Тони тоже смеялся, хотя ничем не отличался от меня. Членам стаи нельзя территориально отделяться друг от друга: можно окончить местные курсы или сразу начать работать после школы. Но он все равно смеялся, изображая из себя кого-то другого, нежели того, кем он был. Он наслаждался моим унижением, и меня затошнило. Я подошла к Саше вплотную и поняла, что меня уже трясет от её вида, её манер и бесконечных издевок.

– Эрика, не смей! – рыкнул Тони, и я обернулась к нему.

Гнев чередовался с радостью – я услышала свое имя в его устах... Тони выбрался из машины и примирительно протянул мне руку. Он был серьезен и, кажется, напуган. Пусть я и не была ещё волком, но я была сильнее обычного человека, а значит, могла навредить барби одним движением мизинца. Этого Тони и боялся? Что его барби испортит макияж? А это идея!

– Чего не сметь? – улыбнулась я и, подтолкнув ногой ведро с мыльной водой к Саше, схватила её за шикарные блондинистые локоны. Она взвизгнула, а я с наслаждением обмакнула её лицо с идеальным макияжем в ведро.

Саша истерично замахала руками и выдернула лицо из ведра, как только я отпустила её. Она пищала, визжала, махала руками и топала. Её истерика развеселила меня, и мне сразу полегчало. Я отошла подальше от неё, чтобы брызги не попали на одежду, когда кто-то больно обхватил мой локоть и потащил в сторону. Тони.

– Ты чего творишь, дура? – рыкнул мне в ухо Тони.

– А я должна спрашивать твое разрешение, чтобы поступать так? – пыталась высвободиться я.

– Не привлекать внимание, помнишь? – гневно сверкнул глазами Тони, приблизившись к моему лицу, чтобы нас не услышали.

– Я бы привлекла внимание, если бы не поступила так! Ни одна нормальная девушка не стерпела бы такое оскорбление!

– Оскорбление? Да брось! Ты чего о себе возомнила?

– Да пошел ты! – зло крикнула я и попыталась оттолкнуть его.

– Я все расскажу твоему отцу! – встряхнул меня Тони, ещё больше сжимая мою руку.

– И получишь от него по шее – за то, что не заступился за меня, понял?!

Я с силой выдернула локоть из его руки и попятилась. Тони же вернулся к своей барби, чтобы утешить и помочь вытереться, при этом держась на расстоянии от воды. Это даже забавно. Я не упоминала, что волки боятся воды? Странно, мы так много унаследовали от волков, но откуда взялся этот страх перед водой?

Я злорадствовала и была очень довольна собой. Думаю, не слова барби меня задели, а поведение Тони. Он никогда не смотрел на меня так, как смотрит на них. Я для него пустое место без признаков половой принадлежности. Волчицы – более грубые, нежели человек, но они привлекают самцов своей силой и выносливостью. Волков тянет к ним из-за природы вещей, для продолжения рода и получения качественного потомства. Но я не так сильна, как другие волчицы, поэтому не привлекаю самцов. Но и как человек, я была другой. Люди стремились следить за собой, были аккуратные и чистые, нежные и хрупкие. Волки любили с ними возиться, ощущая свою силу и необходимость защищать их. Но я не была хрупкой и слабой, я могла дать отпор. Поэтому все самцы держались от меня на расстоянии, видимо ожидая, когда проявится моя природа. Хотя, если я стану хранительницей, никто не будет удивлен.

Отвернувшись от лебезящего Тони, я натолкнулась на шерифа. Он стоял чуть поодаль от нас и, судя по сложенным на груди рукам и хмурому лицу, видел и слышал всё, что тут происходило. Я опустила голову, пытаюсь пройти мимо него незамеченной, но он остановил меня.

– Дуреха! Никогда не показывай им свой страх!

– А я и не боюсь! – Я была крайне возмущена его предположением и остановилась перед ним, что оправдаться.

– Это слишком очевидно, чтобы не быть правдой, – хмыкнул шериф и, положив руку мне на плечо, пошел рядом. – Ты боишься быть недостойной чего-то или кого-то или плохо выглядеть в глазах важных тебе людей. Но страх делает нас уязвимыми. Перед нашими врагами и перед возлюбленными. Мы начинаем делать глупости или выглядеть глупо. Не давай им такой власти.

– Я выглядела глупо? – сникла я.

– Тони прав, ты не должна бороться с каждой выскочкой в городе. Волки не показывают свою силу и власть, мы просто являемся ею. – Напоследок он подмигнул мне и пошел к Тони. – Антон! Подойди!

Он был прав насчет меня... Но как же трудно справляться с собой!

Тони не заставил себя ждать и вскоре предстал перед отцом.

– Уже наябедничала? – огрызнулся на меня Тони, а затем обратился к отцу: – Она...

– Я очевидец, сын, – перебил его шериф, а затем, чуть обернувшись ко мне, проговорил: – А ты иди, Эрика! Не задерживайся.

Я должна была услышать, что скажет или сделает шериф, будет ли защищать меня, сделает ли выговор сыну, но меня спровадили. Я не в силах была послушно уйти. Обойдя несколько зданий, я подобралась к ним с подветренной стороны и выглянула из-за угла. Это было похоже на охоту, только убивать никого не нужно. Я пропустила часть разговора и застала лишь его окончание.

– Я всегда учил тебя, что между этими девицами и волками, ты всегда должен выбирать её, – твердо проговорил шериф и ткнул пальцем в ту сторону, куда я ушла. Затем, поймав взгляд Тони и получив подтверждение, что был услышан, он пошел в сторону полицейской машины.

– Девушки-красавицы, хватит уже крутить хвостами и домойте, наконец, мою машину! Что за разводы на стеклах! Грязь на капоте только размазали! Подкрылки нужно хорошенько отмыть! Кто же виноват, что ты так оделась и тебе неудобно наклоняться! Я плачу за чистую машину, значит она должна быть чистой везде, а не только там, где удобнее мыть! Качественно нужно выполнять свою работу! И побыстрее! Машина мне нужна была еще час назад.

На цыпочках я проскользнула за зданиями на дорогу и побежала в сторону кузницы. Шериф справедлив, как всегда. У каждого свое дело, своя задача – и если уж взялся, то доводи до конца.

Глава 6. Кузница

Пройдя мимо вереницы разношерстных жилых зданий, тесно жавшихся одно к другому и закрывавших от меня солнце, я наконец оказалась на месте. Вот оно – вытянутое одноэтажное белое здание, расположенное поодаль от городка и бензоколонки ради пожарной безопасности. Подняв белую ребристую заслонку, запирающую сооружение на ночь, я впустила свежий воздух в помещение. В основном, я на подхвате у отца. У него нет замены в кузнице, кроме меня, никому это не интересно, как, впрочем и мне. Но, я думаю, это единственный способ снискать его расположение и, может быть, какое-то место в стае.

Я прошла внутрь и поморщилась от запаха, доносящегося из кожевни Марины. Когда-то это здание было кожевней полностью. Здесь мои предки занимались изготовлением вещей из кожи. Здание когда-то стояло у реки, что было крайне важно для кожевенного дела, когда постоянно приходится промывать кожу – то от соли, то от химикатов. Сейчас река отошла от берега, оголив остроконечные скалы, а вода поступает сюда через водопровод, как и в остальную часть города. Только в лесных домах волки по-прежнему используют колодцы и выгребные ямы. Каменный век...

Тяжело вздохнув, я прошла в соседнюю с нашей кузницей комнату – мастерскую кожевника – небольшой пристрой к основному зданию. Здесь была стихия Марины. На полке вдоль противоположной стены стояли бутылочки с какими-то жидкостями, на полу кучковались огромные мешки с солью, над ними угрожающе нависали изогнутые ножи и скребки. Остальная часть комнаты была погружена во мрак из-за отсутствия в ней окон. Я щелкнула выключателем, и зажглись тусклые лампы, осветив обстановку. В глаза сразу бросился длинный шланг с краном. Его использовали для промывания кожи и набора воды в огромный чан для замачивания шкур, стоявший чуть поодаль. На правилке, с противоположной стороны, была натянута кожа, и я тут же вспомнила наказ Марины. Достав из рюкзака свертки с кожей, я принялась аккуратно расстилать их на холодном каменном полу и разглаживать. Надеюсь, тут достаточно холодно. Думаю, Марина запретит нам разводить огонь в ближайшие дни, чтобы не нагревать её мастерскую. Я давно говорила, что ей пора съехать из нашего здания; мы мешаем друг другу, но меня никто не слушает.

Запах стоял ужасный: мертвые животные, кровь и какие-то химикаты. Так пахнут руки Марины, когда она вечерами насильно усаживает меня перед зеркалом и принимается расчесывать мои длинные спутанные волосы. Я ненавидела зеркала, в них я постоянно наталкивалась на своё отличие от моей семьи, особенно от Марины. Цвет волос, глаз, губы, скулы – всё! Я ничем не была похожа на сестру! Слово и отцы у нас были разные! Моё лицо было более вытянутое. Её темные глаза были раскосыми, как у мамы, в сравнении с моими большими и круглыми, как у отца, но цвета весенней травы. Мой острый подбородок и чуть заостренные сверху уши делали меня скорее родственницей лесным эльфам, если они существуют, чем волкам. А мама однажды сказала, что, когда меня впервые принесли в дом (мне было несколько дней от роду), моё тело покрывал рыжий пушок, даже уши! Шестилетняя Марина собирала пушок на моих ушах в резиночки, чтобы похихикать, и они были похожи на беличьи кисточки. Но потом всё сошло. Слава волкам! Не хватало мне ещё быть покрытой шерстью безо всякого полнолуния!

Нужно было срочно заняться уборкой в кузнице, как наказал отец. Мой взгляд привлекли отцовские клещи, оставленные на наковальне. Он снова забыл их повесить на место, как и свой молот – потом опять будет искать. В нашей кузнице всегда был строжайший порядок. Хотя отец бывал иногда стихийным, оставляя инструменты не на своём месте, но меня он выдрессировал отлично, и я соблюдала порядок за нас двоих. У каждого инструмента было свое место, чтобы всегда быть под рукой, но и не мешаться. Уголь и дрова были в дальнем углу, подальше

от огня, чтобы не вспыхнуть; рядом с домной – ведро воды: для металла и против пожара; часть инструментов развешана на стенах; но дальнюю стену украшают более мрачные орудия – оружие, отнятое у браконьеров, но так и не нашедшее применение в стае. Тут были различные клинки, ножи, ружья и даже арбалет, многие из которых давно заржавели и пришли в негодность. Но самым жутким оружием для меня по-прежнему были капканы. Хотя наши охотники также пользовались ими, я от их вида приходила в неопишуемый ужас. Глядя на капкан, я каждый раз представляла, сколько боли он несет, когда захлопывается, и сколь безвыходным становится твоё положение, когда ты понимаешь, что привязан к этому железному чудовищу навсегда: не убежать, не спрятаться, остаётся лишь сидеть и ждать появления своего палача, медленно истекая кровью.

Здесь же, среди развешанного оружия браконьеров, таилась дверь в кладовую, куда я особо не заглядывала. Там хранились предметы, которые нам не нужны, но и выбросить их было жаль. Там были формы для литья, старые ржавые инструменты и прочий хлам.

Я закончила прибирать в кладовой и вышла в основную комнату, когда в кузницу вошла Марина. Её щеки были красными от волнения, а улыбка глупой, но она всё равно попыталась метнуть в меня хмурую молнию прежде, чем скрыться в своей мастерской. Вот дуреха! Я негодовала, и меня подмывало вправить ей мозги насчет Ивана, хотя понимала, что «на том конце провода» меня никто не будет слушать.

Я взяла в руки молот и первую попавшуюся железку, постучала их один об другой, затем положила каждый на свое место; но мысли всё равно не отпускали меня, поэтому я решила таки выплеснуть их на виновницу.

– Здесь опять воняет, Марина! Может, тебе стоит присмотреть здание ещё дальше от города и от нас? – ворвалась я в кожаную, оперев руки в бока.

Марина вздрогнула, явно не ожидая моего скорого появления и пребывая в своих романтических мыслях, но тут же нахмурилась и приняла оборонительную стойку.

– Я продолжаю традиции наших предков. Как ты помнишь, сто лет назад на этом месте никакой кузницы не было и в помине, здесь властвовали кожевники!

– Вот именно! Это было сто лет назад! Тогда и река была полноводнее, и они зачерпывали воду сразу за углом, а теперь там глубокий обрыв! Ты застряла в каменном веке! И, кстати, сейчас есть более приятные телу материалы, которые мы можем позволить себе купить!

– Купить? – взвилась сестра и буквально выпихнула меня из своей прохладной кожанки. – А откуда у тебя деньги? Тебя одевает моя мать, а ты ещё не заработала ни гроша!

– Я же не виновата, что отец не считает нужным мне платить...

– Ты должна быть благодарна, что он взял тебя в подмастерье. Он дал тебе шанс остаться работать в кузнице, если ты станешь хранителем! Разве ты не рада?

– Рада. Именно этим я всегда и хотела заниматься, – сказала я бесцветным голосом.

Она мне не верила, но с улицы донесся звонок велосипеда, спасший меня от необходимости дальнейших объяснений, и я поспешила наружу. У входа стоял Сема с длинной палкой, замотанной в пупырчатую плёнку и скотч; велосипед валялся у его ног.

– Увидел, что ты идешь в кузницу, – дружелюбно улыбаясь, проговорил Сема. – И решил закинуть вам посылку.

– Что это? – удивлённо спросила я, взяв палку из протянутой руки парня. – Тяжёлый...

Сема почесал голову, растрепав свои светлые, почти белые волосы, столь явно выдающие его принадлежность к северной стае, и задумчиво заключил:

– Я тоже заметил. По весу похож на лом для льда... Но, зная твоё любопытство, сообщаю: велено не вскрывать без жоака! Мне самому любопытно, что это.

– Ладно, поняла, – удрученно отозвалась я и, взвесив палку в руке ещё раз, вновь обернулась к парню, что уже залез на велосипед и приготовился ехать дальше. – А ты разве не должен быть на футболе?

– Зачем? Игра только после обеда. Ладно, покуда!

И, позвонив в звоночек два раза, он тронулся в обратный путь. Значит никакой тренировки не было? Ах, Мишка!

Глава 7. Оружие

Продолжая уборку, я размышляла о своей матери. Могла ли она быть серой волчицей? Говорят, мой дед Эрик, будучи вожаком, мечтал породниться с серыми волками и договорился о браке своей дочери Ани с сыном их предводителя, ставшего впоследствии моим дядей Максом. К моменту моего появления на свет, стая уже была в родстве с серыми волками и моя мать могла быть из тамошней стаи. Значит, я могу обернуться в серую волчицу. Я обернусь, обязательно.

Я устала на сестру через дверной проем наших смежных комнат, пока она примеряла лекало к очередному куску кожи и делала пометки куском мела.

– Уже привезли? – послышался озабоченный голос отца, и я поняла, как сильно он устал.

– Да, – тихо отозвалась я, пытаюсь скинуть с себя мысли о серой волчице. – А что это?

– Это? – ухмыльнулся отец, но, задумчиво посмотрев на меня, ответил: – Я бы рассказал, но зная твою болтливость... Не могу. – Он взял палку, бегло осмотрел, не снимая упаковку, взвесил в руке и отставил в сторону.

– Что мы будем делать сегодня, пап? – удрученно спросила я, делая вид, что не опечалена.

Отец почувствовал моё настроение и нахмурился:

– Ковать оружие...

– Оружие? – удивленно прошептала я. – Зачем? Для завтрашней охоты? Или это из-за чистки стай?

Слова сами вылетели из моего рта, впрочем, как обычно, и я сразу же пожалела о них. Отец удивленно вскинул голову, и я заметила на его лице гримасу страдания, словно я разгадала его большую тайну, выведала то, что причиняет ему невыносимую боль. Не понимаю... Что в этих чистках не так? Что вообще значит «почистить стаю»?

– Это не должно тебя тревожить.

Отец вынул из выдвижного ящика стола какие-то бумаги и развернул их.

– Но папа! Фёдор был явно взволнован, да и дядя Макс просто так не звонит нам! Это не может не тревожить! Грядет война между стаями, да? – едва дыша проговорила я.

– Не забывайся, – холодно проговорил отец, и я проглотила свои дальнейшие вопросы про эти таинственные чистки. – Если хочешь и дальше работать в кузнице, тогда не задавай больше вопросов! Я не обязан посвящать щенка в дела стаи и тем более отчитываться перед ним!

Несколько минут мы упрямо сверлили друг друга взглядом, словно играя в игру, кто первым отведет взгляд. Но я всегда проигрывала. Внутри меня всё кипело, но в то же время сжималось от страха перед отцом. Я чувствовала, что стая грозит беда, но не знала, откуда она грядет. Я видела боковым зрением, как отец смотрит на меня, а потом он вернулся к изучению своих бумаг, разложенных на столе. Нет, я не хотела работать в кузнице, это скучно и душно. Но лишь так я буду в курсе дел, буду при отце.

– Чем я могу помочь? – тихо спросила я, с трудом выравнивая дыхание и пытаюсь успокоить бешено колотящееся сердце. Я осторожно направилась к столу.

Он напрягся, когда я подошла, но потом всё же подвинулся, дав мне заглянуть в бумаги. Я стала с интересом изучать их и подавила новый поток вопросов, мысленно выбирая, какой можно задать, а с каким лучше повременить. Наконечники стрел и копья, колья... Явно пахнет войной.

– Почему не пули? – осторожно спросила я и тут же сказала: – Прости.

– Хороший вопрос, не извиняйся. С пулями было бы легче. Но у нас нет для них пистолетов, нет навыков обращения с огнестрельным оружием, ну, только у пары волков... И, преду-

гадивая твой следующий вопрос, у нас нет денег и времени на это. Лучшее оружие – всегда то, которым ты умеешь пользоваться.

– Тогда сюда нужно добавить: топор для Федьки, кинжал для Мишки, шило для Марины, лопату для мамА, молот для тебя, – воодушевленно рассуждала я, пытаюсь пошутить и разрядить обстановку. – Ха, представляю мамА, размахивающую лопатой! – Я улыбалась своей шутке ровно две секунды, именно этого времени хватило отцу, чтобы повернуться ко мне всем своим существом и пригвоздить меня к полу взглядом. Я сделала два шага назад и размышляла над тем, хуже будет, если я сейчас останусь или сбегу. Отец прищурился, посмотрев куда-то перед собой, явно размышляя о чем-то, кроме моей ужасной шутки, затем вновь посмотрел на чертежи и снова поднял взгляд ко мне.

– В этом что-то есть... – неторопливо проговорил он и склонился над чертежами.

Я громко сглотнула от облегчения, но, осмыслив его слова, закричала срывающимся голосом:

– Не надо! Это плохая идея! Всего лишь глупая шутка!

– Что не надо? – удивился отец.

– Не надо... мамА и лопату... посылать на войну! – едва дыша, прошептала я, будто боясь, что она услышит. Отец почему-то усмехнулся моим словам и закрыл глаза, словно ему требовались силы, чтобы продолжать этот разговор.

– Почему ты такая сложная? – выдохнул он и посмотрел на меня. – Добавить имеющееся у нас оружие или то, что можно использовать как оружие – хорошая идея.

Я в облегчении выдохнула и даже улыбнулась – меня почти похвалили. Внутри заскреблось странное чувство. Почему меня вдруг волнует судьба мамА? Она мне не мать и никогда особо не любила меня. Но отец поспешил прервать мои размышления.

– Времени не так много. Начнем отливать по чертежам. Мне понадобится твоя помощь и не только раздувать меха, – отец поднял многозначительно брови, но я не понимала, о чем он. – Займешься литьем?

Не скажу, что это была мечта всей моей жизни, но его доверие подкупило и я самодеvolmente заулыбалась.

– Отлично! Уберу эскизы в безопасное место, потом перекусим. Вы наверно проголодались?

Я интенсивно закивала головой, предвкушая вкусную трапезу. Внезапно я ощутила едва заметное жужжание в углу, где висел мой зеленый плащ. Пока отец отвернулся, я ринулась к нему. Пейджер напикал уже три сообщения. Все от Кати «Заняла тебе место», «Игра скоро начнется», «Ты где?». Жаль пейджер не позволяет ответить на сообщения, поэтому я с грустью закинула его обратно в карман.

Наспех перекусив беляшами, мы приступили к изготовлению колец, а Марина вновь вернулась в кожаную к своим лоскуткам. В подсобке, к моему удивлению, нашлись подходящие формы, словно когда-то волки уже делали подобное оружие. Но было всего три разных вида, поэтому процесс не обещал быть быстрым. Первым делом я отмыла, отчистила формы от грязи и заусенцев и покрыла специальной краской, чтобы предотвратить реакцию между формой и металлом. Отец искал в подсобке подходящий для расплавки металл. Процесс был кропотливым, но знакомым, поэтому мы справлялись быстро. Отец распилил заготовки на мелкие кусочки для повышения скорости плавления, затем засыпал их в чашу и поставил на жаркий огонь, что я развела в доменной печи. Оставалось ждать, когда металл расплавится до подвижного состояния, чтобы его можно было залить в подготовленные формы. Ждать было трудно, но мы занялись подготовкой форм для наконечников стрел и копий, а также уборкой в кузнице.

– Пора, – тихо подозвал меня отец, и мы внимательно осмотрели готовность расплавленного металла. Готов.

Я закрепила формы на столе для удобства литья и ждала, пока отец аккуратно зальет металл в каждую с помощью ковша. Он наполнил их доверху и убрал чашу в сторону.

– Иди домой, – устало проговорил отец. – Я тут закончу. Завтра с раннего утра разделяем формы и убираем окалину.

От радости я даже подпрыгнула на месте, подняв руки вверх, но поняв, что отец наблюдает, сделала вид, что у меня зачесалась голова, причем с двух сторон. Улыбаясь, я нацепила Маринин пустой рюкзак на спину и приготовилась выходить, как вдруг меня осенило:

– Прямо с раннего утра? А как же охота?

– Ты еще щенок, чтобы участвовать в охоте, – спокойно проговорил отец, словно тут нечего было обсуждать.

– Но завтра особая охота! Мы же пополняем запасы мяса к зиме! Тут даже щенкам позволяют охотиться! – Я старалась не выдавать своего нетерпения и, подступающего к горлу, отчаяния, если отец запретит мне завтра охотиться. Мне нужна была эта разрядка! Охота – моя страсть, которую я тщательно скрываю, контролирую, сдерживаю, стесняюсь и безумно люблю...

– К зиме? Уже? – удивленно посмотрел на меня отец, словно только что проснулся. – Ах да... Кабаны.

– Ага... Так что? Я могу завтра поохотиться с остальными? – осторожно спросила я.

– Хорошо, но после обеда сразу сюда! Я начну без тебя, – устало проговорил отец и потер глаза. – А теперь домой и спать!

– Отлично! Спасибо, пап! – довольно отозвалась я и, тут же не удержавшись, спросила: – Я могу ненадолго сходить к Кате?

– Не слишком много просьб для одного дня? – говорил он строго, но в голосе слышались усмешка и теплота.

– Я ненадолго... честно. – Я улыбнулась, ощутив прилив надежды.

– Хорошо. Туда и обратно. И постарайся вернуться до темноты! Я серьезно! Если не успеваешь домой, переночуй в кузнице! – настаивал отец, но, когда я удивленно посмотрела на него, не понимая, откуда взялся этот комендантский час, он поспешно исправился: – Тебе нужно хорошо выспаться, у нас завтра много работы.

– Обещаю!

– И ещё! – остановил меня отец, понизив голос: – Помалкивай об оружии. Особенно со своей болтливой подружкой. В городе не должны об этом знать.

– А кому будут интересны наши дела? Это же всего лишь люди.

Но отец молча сверлил меня взглядом, ожидая ответа.

– Ну, хорошо, – ошеломленно проговорила я, натягивая плащ. – Это не сложно. Я ушла!

Глава 8. Катерина

Я выбежала из кузницы и направилась в сторону центра городка, где разноцветные домики сплотились и образовали жилой квартал. Оставшись наедине с собой, я замедлила шаг и погрузилась в раздумья. Не люблю, когда меня тыкают в пробелы моего образования, но сегодня это случилось. Возможно, возьму книжки по истории волков и всё-таки ознакомлюсь с ними. На досуге. Может быть. Но меня больше занимало другое. Весь день я гнала мысли о странном существе из леса, боясь, что это и правда был дух волка. Возможно, я должна была нагнать его, чтобы обратиться в следующее полнолуние. Заставить себя не думать проще, чем унять полыхающие во мне чувства. Меня никак не отпускало воспоминание, как я стремглав бежала, босая, по влажной траве, ощущая звуки пробуждающегося леса, как влажный ветер ударял по моим обнаженным ногам, летел мне навстречу, не давая набирать скорость, а кожа была объята прохладой и свежестью, – не это ли верх блаженства! А вокруг меня просыпалась жизнь, я ощущала её всем телом, и я была не одна в этой сладостной эйфории. Незабываемый восторг. Наверно, так и чувствует себя волк. Могу ли я надеяться... Сунув руку в карман плаща, я извлекла оттуда пейджер и ужаснулась количеству смс. Тяжело вздохнув, я убрала его обратно, так и не прочитав ни одного сообщения, зная, что вскоре услышу их краткий пересказ лично от отправителя.

Впереди показался её дом: белый оштукатуренный фасад с алой дверью и ставнями на окнах. Её отец однажды решил приложить руку к оформлению дома, и здание целый год напоминало одно из его полотен, а они – прекрасны. Хотя мать Катерины почему-то со мной не согласна и считает его картины бездарностью и дешёвками. Не знаю, что меня печалит больше: её неверие в мужа или его слепая тяга к творчеству, которое никому не нравится. Кроме меня. Но, к сожалению, я поклонник без гроша в кармане.

Катерина – человек и моя лучшая подруга лет эдак с пяти, когда я впервые самостоятельно дошла до города и зависла в песочнице до поздней ночи. У волков нет специальных детских парков и аттракционов; лес – это наша площадка, тренажеры, место для игр и все, что необходимо, с точки зрения волков, ребенку для развития. Но мне этого было мало. Я хотела увидеть металлические конструкции для игр, которые нахваливал Федор, побывав раз в городе. И так как меня никто не хотел туда проводить, я пошла сама. Там на площадке я и встретила её, Катю. Она сразу же поделилась со мной лопаткой и ведерком, помогла отряхнуть мои штаны от песка и надела мне на голову свою панамку.

Когда меня нашли, я была голодная и замерзшая, но восхищенная новыми играми, новой подругой и своей панамкой. Этот головной убор до сих пор хранится у меня в комод, как символ нашей дружбы. Катя не попросила её вернуть, даже когда на этом настаивала её мать. Она сказала, что подарила её мне на день рождения и не важно, что до него было ещё несколько месяцев. Объяснила, что это за все дни рождения, что она пропустила. И с той поры мы были неразлучны. Не стоит говорить, что родители – и с той, и с другой стороны – пытались нас разлучить. Отец даже накладывал на меня свой приказ вожака, чтобы я не приближалась к Кате... Мы не виделись почти год, но писали друг другу каждый день. Я сообщила, что у меня опасная и заразная болезнь. Это был худший год в моей жизни. Но, в конце концов, отец понял, что запрещать нам общаться бесполезно, поэтому ввел несколько правил и успокоился.

Я настойчиво постучала в алую дверь и прислушалась к приглушенным быстрым шагам. Катя поспешно отворила передо мной дверь, не спросив, кто там, и втянула меня внутрь.

– Наконец-то ты пришла! Я жду уже несколько часов! – Её серые с зеленью глаза театрально метали искры и молнии, пока мы поднимались на второй этаж в её комнату, и я виновато потупила взгляд, чтобы скорее смягчить подругу.

– И тебе привет.

– Ну, прости! Просто не ожидала, что тебя не будет на игре! Я скинула тебе уйму смс! – она говорила порывисто, а это был верный признак того, что избыток новостей мешает ей оформлять мысли в размеренную речь и она в любой момент может лопнуть, если не поделиться ими. Я уже предвкушала ночь разговоров и отсутствие сна. Отец снова будет недоволен.

– Ну, это же пейджер, – рассмеялась я. – Без доступа к телефону я все равно не могла бы тебе ответить!

Этот пейджер мне достался в наследство от Кати, когда родители подарили ей сотовый телефон. После долгих уговоров отец позволил мне его оставить.

– Но ты могла бы прийти на игру, – равнодушно пожалла плечами Катя, словно не сморозила только что глупость. Взяв себя в руки, она без интереса и скорее ради соблюдения приличий сцепила пальцы в замок и сочувственно спросила: – Опять поругалась с отцом?

Мы вошли в её комнату, и где-то в глубине моего сознания возникло дежавю. Я входила сюда сотни раз, вот так же, вслед за Катей. Она никогда не запирала дверь, что раньше меня шокировало, а затем я поняла, что это скорее состояние её души – открытость, без секретов и тайн. Эта же особенность когда-то позволила ей впустить меня в свою жизнь и свое сердце.

– Что-то типа того... А ты видела игру? – перевела я разговор на одну из тем, которые она хотела со мной обсудить.

Я плюхнулась в желтое кресло-грушу рядом с её белоснежным туалетным столиком, где, я знала, она тут же обоснуется.

– Наши победили! – она взметнула руки вверх, словно сама забила решающий гол.

– Не сомневаюсь. Миша всё забил? – спросила я с улыбкой, уже зная ответ.

Мой братишка опять не дал ни единого шанса другой команде. Я окинула взглядом голубые стены комнаты с разноцветными бабочками, порхающими каждый раз, как сквозняк пробегал под их крыльями, заметила распахнутые дверцы шкафа и груды одежды, раскиданной по незастеленной кровати. Неужели она уже собирает чемоданы? Я думала, до её отъезда у нас ещё есть время. К горлу подступил комок.

– Как ты догадалась? – хмыкнула Катя, не подозревая, какое смятение творится в моей душе и как тяжело мне продолжать эти, ничего не значащие, разговоры.

– Он – лучший нападающий в стране! – наигранно громко сказала я, стараясь взять себя в руки и не думать о нашем скором расставании.

Катерина поступила в Институт моды и стиля в мегаполисе и через месяц, как и девицы барби, поедет на учебу. Мы будем видеться раз или два в год. Никакой ежедневной болтовни, совместных посиделок в её красочной комнате, никаких девичников с косметикой и фильмами, никакой музыки на пластинках, мечт о принцах и вообще ничего. Этого куса моей жизни больше не будет. У неё будет своя жизнь, новые друзья, новые интересы, а я так и останусь Эрикой из леса, которая ничего не знает о современном мире, ничего не понимает в косметике и моде, и вообще «не в тренде».

– Это точно! И лучший парень на земле, – застенчиво произнесла Катя и потербила красную прядь на своем затылке. Она снова изменила цвет волос, и теперь её аккуратная головка полыхала темно-красными кудрями, словно ограненный рубин.

– Брось. Он маловат для тебя, – отмахнулась я от её слов.

– А меня не смущает разница в возрасте. Любви все возрасты покорны, не находишь? И, по-моему, я тоже ему нравлюсь.

– Я не знаю. Я как-то не представляла вас парой.

– Почему мы не можем быть парой?

Я думала о том, что он – волк и максимум, что сможет позволить себе, так это небольшую интрижку с ней. И, если волчьи боги будут к ним милостивы, то она не даст потомства, чтобы не остаться без возлюбленного и своего дитя. Я сразу вспомнила о своей настоящей матери. Вдруг она была человеком? Наверно, когда-то она так же мечтательно рассказывала об ухаживаниях

моего отца и не подозревала, какое будущее её ждет. Катя, внешне упорная и сильная девушка, была на самом деле столь же ранима, как и любая женщина, будь она волком или человеком. Все мы слабы перед лицом коварной любви и мужчин, которые ею пользуются и уничтожают нас.

– Мне кажется, он крайне непостоянен в выборе девушек, поэтому не стоит обращать внимание на его знаки внимания. Твое сердце целее будет, – быстро проговорила я, а сама задумалась: кто вообще нравится Мише, никогда не видела его с девчонками.

– Ты бредишь. Он такой зайчик – пай-мальчик!

– Он больше тянет на злого голодного волка.

– Не дури, я все равно не поверю.

– Дело твое... и сердце тоже твое, – грустно улыбнулась я, стараясь не пересекаться с ней взглядом.

Я решила, что, когда она уедет, эти чувства к Мише уже не будут иметь значения.

– О'кей, – немного неуверенно пробормотала она, опустив взгляд, а через секунду её глаза вновь заискрились, когда она выдала мне очередную новость: – Ты слышала, что поместье Вардов наконец обрело своих владельцев?

Ох, и снова поместье Вардов... Я никогда не видела ни одного из тамошних графов. Поместье опустело еще до моего рождения. Они ни разу не приезжали, и в городе поговаривали, что Варды продали его кому-то из-за больших долгов. Возможно, теперь им владеют уже вовсе не графы, за которых мы с Катей собирались замуж, а какие-нибудь бизнесмены без рода и племени. Но подруга была так заморожена этим событием, что я не могла не подыграть ей.

– Да ну тебя! Врешь! – выдохнула я, решив не говорить ей про электрический забор и фигуру в окне поместья, которые обнаружила сегодня утром. Это вызовет ненужные вопросы ко мне, на большую часть которых у меня пока нет ответов, а на остальную – не имею права отвечать.

– Честное слово! Они приехали вчера поздно вечером. Говорят, они откроют поместье, чтобы там что-то отпраздновать. Отцу сказал кто-то из друзей, что все занятые в поместье служащие были экстренно вызваны туда для приведения его в надлежащий для графов вид! И прикинь, у них свой самолет! Он приземлился где-то за горами, там у них мини-аэродром!

– Ничего себе! – по-настоящему удивилась я. – Они и впрямь жутко богаты. Точно графы! Интересно, титул у них сохранился?

– Думаю, да. И, кстати, семья у них просто огромная. Несмотря на габариты поместья, отец даже сомневается, что им хватит места разместиться.

– Их что сотня? Больше?

– Много больше, кажется. И у них столько вещей! Огромные ящики в человеческий рост, забитые хламом. А ведь приехали всего на пару дней!

– Никого не напоминает? – усмехнулась я.

– Эрика! Я не такая! – взвилась Катя, хотя шутка ей понравилась.

– Конечно, нет! Это же не ты собрала два чемодана на колесиках и попросила своего отца подвезти тебя до станции, когда мы решили с тобой бежать из дома. Тайно, кстати!

– Там было только самое нужное! А ты будешь это до пенсии помнить?!

– И даже дольше. Пока старческий маразм не помутит мой рассудок, дорогая! – рассмеялась я, и она подхватила мой смех. – Но, судя по выражению твоего лица, это не все новости?

– Угадала! – успокоившись, произнесла Катя и обернулась к зеркалу на туалетном столике, чтобы поправить растекшийся от смеха макияж. – Знаешь, что будет послезавтра?

– Среда? – равнодушно произнесла я, хотя мелькнула мысль, что это будет моё последнее полнолуние. И я наконец пойму, кто я есть.

– Забудь о среде! – поморщилась подруга и воодушевленно продолжила: – Графы устраивают праздничную вечеринку, ради которой и приехали! То ли юбилей у кого-то из них, то ли награда какая! Не важно! Приглашены все высокопоставленные лица города!

– А причем тут мы? Мы не приглашены, если ты не в курсе...

– А кто будет спрашивать этих графов? Мы полноценные члены общества и имеем право посещать подобного рода пати! – гордо заявила Катя, натренированная вступительными речами в институт.

Я подалась вперед, удивленно изучая хитрое личико своей лучшей подруги в попытке разгадать её блеф, но, кажется, она говорила серьезно.

– Ты хочешь проникнуть на вечеринку без приглашения? – хитро прищурившись, спросила я.

– А слово «маскарад» тебе о чем-нибудь говорит?

– Они устраивают маскарад?! – усмехнулась я. – Как они поймут, кто приглашен, а кто нет?

– Вот именно! Никак! – пропела Катя и подмигнула мне.

Я откинулась назад, развалившись в кресле-груше, и пыталась унять бешено колотящееся сердце. Честно говоря, ни за каких графов я замуж не собиралась, но упустить единственный шанс увидеть поместье изнутри, увидеть настоящий светский бал, о каких только читала в книгах, тем более побывать на маскараде... Хватит ли мне сил сопротивляться такому соблазну?

– Во сколько начало? – с трудом выравнивая дыхание, спросила я.

– Ближе к закату, часов в девять.

– Мне нужно вернуться до полуночи, – тихо проговорила я, погруженная в собственные мысли: до полуночи, до обращения – и тогда все будут в безопасности.

– Оу! Ты и образ уже продумала? – удивленно пролепетала Катерина.

– Что? – очнулась я и подняла на нее недоумевающий взгляд.

– Ну, Золушка, да? Вернуться до полуночи там, потерять туфельку. Круто!

– На Золушку я уж никак не тяну. И кстати об этом. Что мы наденем? – с усмешкой спросила я, пытаюсь своими вопросами вбить в её маленькую голову, что мы не можем пойти, никак не можем – и дело было не только в полнолунии. – Из более-менее приличного у меня есть кожаные брюки, они вроде чистые. И... белая футболка? Норм?

– Надеюсь, это шутка такая, да? – рассмеялась Катя и тут же осеклась. – Ты че, блин! Это графы! Наша мечта! Ау! Есть кто-нибудь дома? – сказала она и шуточно постучала по моей голове.

– Перестань! Нет у меня другой одежды, ясно? Ты же знаешь, как мы одеваемся! Ты всегда это знала, и тебе это не мешало дружить со мной! Графы могут так и оставаться моей мечтой, как и многое другое! Кое-что я просто не в силах изменить, понимаешь? – пылко проговорила я и с надеждой посмотрела на Катю.

Она недолго размышляла, но вскоре её настойчивый взгляд смягчился и плавно перешел в хитрую ухмылку, а растрепанные алые локоны словно бы стали дьявольскими рожками.

– Тогда я стану твоей феей крестной!

– Только не это! – Я закатила глаза, но она меня уже не слушала.

– Мама возвращается завтра из мегаполиса. Я сейчас позвоню ей! Она точно что-нибудь придумает!

Мы проговорили весь вечер, но она не хотела меня отпускать. Отец сказал вернуться дотемна, но было уже слишком поздно для этого. А остаться ночевать у Кати, значило не выспаться совсем! Эта болтушка не даст мне сомкнуть глаз, а отец прав, завтра – важный день. Мы договорились встретиться завтра и обсудить мой наряд. Думаю, после охоты я могла бы забежать к ней, а затем к отцу в кузницу. Я точно всё успею!

Я вышла из её дома и меня осветила почти полная луна. Я не могла смотреть на неё без грусти. С каждым днем она становилась больше, приближая день Икс. Домой идти нет смысла: топтать несколько километров по лесу, а потом красться по спящему дому, словно вор в ночи, прекрасно зная, что все пятеро волков прекрасно слышат мои шаги и либо злятся, что я не вернулась вовремя, либо посмеиваются надо мной в подушку. Я решила, что в кузнице прекрасно высплюсь. И с утра постараюсь встретить рассвет. Думаю, с городской башни его будет видно лучше. А к завтраку буду уже дома, чтобы вместе с братьями отправиться на охоту.

Глава 9. Охота началась...

Утром меня разбудил громкий, почти яростный стук в дверь. Я вскочила и, подняв заслонку кузницы, столкнулась лицом к лицу с испуганным Алешей. Солнце за его спиной стояло высоко над горизонтом, а значит, охота уже в самом разгаре.

– Не может быть! – воскликнула я. – Как я могла проспать!

– Как ты могла не вернуться домой! – вскричал Леша, войдя в кузницу.

Он тяжело дышал и явно пребывал не в лучшем расположении духа. Я также не находила себе место, но по другим причинам. Стоит ли присоединиться к охоте, так сильно опоздав, или это лишь усугубит мою провинность?

– Эрика, где ты была? Я всю ночь не находил себе места! Если бы не этот комендантский час, я бы уже среди ночи был здесь!

– Комендантский час? – удивилась я, забыв о своих тревогах.

– Не важно! Почему ты не вернулась?

– А почему я должна отчитываться перед тобой? Ты кто мне? Брат? Или муж?

– Нет, – тихо прошептал он. – Но мог бы им быть.

– Ну, уж нет, – рассердилась я. – Надеюсь, я единственный бастард моего отца.

Алеша нахмурился, но ничего не ответил. Собираясь уходить домой, я, по привычке, проверила, всё ли убрано в кузнице. По пути решу, что делать дальше. Спустя минуту, я заперла кузницу и направилась к дому. Алеша последовал за мной, пребывая в молчании.

Город пах мокрым асфальтом и вылезшими на поверхность земляными червями. Я так крепко спала этой ночью, что не слышала звуков дождя. Выйдя быстрым шагом из душного города, я погрузилась в приятные ароматы влажного леса: травы, мха и коры деревьев. Я спешила домой, чтобы убедиться в том, что и так знала: члены семьи разбрелись по делам, в том числе на охоту. Не желая столкнуться с отцом, я выбрала тропу вдоль реки, через труднопроходимые дебри.

– Ты не подумай чего, я просто волновался... – тихо сказал Алёша, продираясь вслед за мной. – Ты же в курсе, к чему этот комендантский час?

Я остановилась и преградила Алёше путь. Он упрямо вздернул подбородок и буравил меня взглядом. Никогда не видела его в гневе, и даже сейчас он выглядел неестественно стойким.

– О чем ты говоришь? Ну! – упорствовала я.

– Нас хотят почистить, – прошептал он, приблизив свое лицо к моему, чтобы нас не услышали.

У меня перехватило дыхание, когда Алеша сложил для меня этот пазл.

– Что такое чистка стаи? – дрожащим голосом проговорила я, пытаясь не думать о догадках относительно роли хранителей во всем этом.

Он вдруг выпрямился и нахмурился.

– Ах да, ты же не дружишь с книжками...

– Я читаю книги... – процедила сквозь зубы я и зло посмотрела на хранителя.

– Вот и почитала бы!

Остальной путь мы проделали в полном молчании. Придется добраться до этих чертовых книжек по истории волков. Меня удивляло, как ловко Алеша продирается через, казалось бы, непроходимые тропы, там, где даже Иван побоялся идти за мной, когда в детстве пытался устроить мне нагоняй.

Присоединиться к другим охотникам нельзя. Я могла либо спугнуть зверя, либо попасть под обстрел своих же. В стае было негласное правило касательно охоты: если ты опоздал на

сбор, то дальше группа идет без тебя, и ты ни при каких обстоятельствах не имеешь права присоединиться к охоте.

Охотники стаи несколько дней выслеживали стадо кабанов: нашли место их ночлега в густой чаще восточнее города, место кормежки, что они устроили на нашем картофельном поле, которое было уже изрыто этими наглыми тварями. И самое главное, им удалось вычислить тропу, по которой те изо дня в день ходили кормиться и возвращались. Лесорубы, незаметно от стада, сумели возвести на их тропе вышку для отстрела. Отец дал добро убрать старых самок, несколько лишних самцов и часть молодняка. Таково правило: убирать лишь тех, кто будет мешать выжить всему стаду зимой. Важно было оставить сильных самок для продолжения потомства, а самцы найдутся ближе к зиме, к брачному периоду.

Обычно я занимаю место среди лучников на вышке, но сегодня им придется обойтись без меня. Отец меня убьет! Порой охота продолжалась в течение нескольких часов – часов полнейшей тишины, поэтому на отстрел кабанов берут только самых терпеливых. Миша не из их числа. Отец собирался заняться ковкой, Марина готовит место для новых шкур, значит, оба направляются в кузницу. Думаю, Федор точно на охоте, может быть, и Тони. Но они скорее загонщики, нежели стрелки. В стае не так много лучников, способных попасть в кабана с большого расстояния и убить его одним выстрелом. Но теперь у них есть Иван.

Щенков разрешалось брать только на особые охоты, что проводятся всего несколько раз в год. Я умудрилась опозориться на первой же охоте, куда с таким трудом смогла попасть. Когда кабан понесся на меня, я залезла на самое высокое дерево, и оставшуюся часть дня охотники пытались меня оттуда снять. Через несколько дней отец выдал мне один из луков, сделанных Федькой, и наказал ходить на уроки стрельбы к дяде Андрею. Тот был и есть лучший стрелок в стае и верховодит отрядом охотников. Он самый сильный воин стаи, а по правилам волков, если вожак падёт в бою, то такой воин сможет занять его место, чтобы закончить битву.

Когда меня снова взяли на охоту, моей радости не было предела. Я стояла на башне, стискивая в руке лук, сердце выскакивало из груди, а стрела дрожала на тетиве. Я была так взволнована и напугана, что, когда пришел мой черед стрелять по кабанам, мною овладела кровожадная сущность. Когда я очнулась, то сидела над трупом маленького кабанчика и, судя по вкусу во рту, загрызла его зубами. Кабанчика пришлось закопать, я не могла его предоставить стае. Позже мне рассказали, как трусливо я снова сбежала с охоты, когда кабаны побежали на нас, и как долго меня не могли отыскать.

Мне потребовались годы охоты в одиночестве, чтобы научиться более-менее справляться с собой. Приходилось подчищать за собой, закапывать растерзанные тела животных, не имея возможности объяснить эти расправы отцу. Поэтому кровожадную сущность я стараюсь не выпускать, и это мне почти удается. Главное, не увлекаться охотой и не пугаться слишком сильно. Да, наслаждения от этого действия меньше, зато добыча целее. Пришлось долго доказывать свою ценность и мастерство, чтобы меня стали брать на охоту. В этот раз я пометила свои стрелы зелеными перьями, чтобы никто не присвоил себе мою добычу, уговаривала отца освободить меня от кузнечных дел, а на охоту в итоге так и не попала...

К дому я подходила почти ползком, чтобы тайком узнать, кто там остался. Алеша куда-то испарился, говорить нам было не о чем. Я оттолкнула мысли о чистке, сейчас это не главное. По двору сновали хранители, готовя ледники для мяса; дети бегали, играя то ли в прятки, то ли в догонялки, и едва не выдали меня, когда я уселась под окном своего дома.

– Я тебя нашла, Эрика! – закричала девчушка с черными косичками, и я грозно шикнула на неё, чтобы отпугнуть от своего укрытия.

Но судя по звукам и запахам, доносившимся из нашего жилища, там никого, кроме Оксаны, моющей посуду, не было. Поэтому я уверенно вошла и направилась в свою комнату.

В доме я занимала угловую комнату, где западное окно выходило во двор, на растущую у входа сосну, а южное – на лес, на тропу к городу. В дальнем углу стоял платяной шкаф со

скрипучими дверцами. Я почти не пользовалась им, вешая туда одежду не по сезону. Рядом, ближе к южному окну, располагалась односпальная кровать с сетчатым основанием и металлическими спинками. Я вошла в комнату и углубилась в стоящий у стены комод, чтобы выбрать одежду для охоты. Четыре выдвижных ящика, доверху наполненных разномастной одеждой, большую часть из которой я не надевала. Над комодом громоздились мои книги, выставленные на трех высоких полках стеллажа. Вот и всё убранство моей любимой обители, моего дома внутри дома волков.

Оксана подогрела для меня еду, пока я переодевалась в удобную для охоты одежду и фиксировала кожаный пояс. Завтракать пришлось поспешно и тем, что осталось от завтрака волчьей семьи.

– Ты собираешься присоединиться к охоте? – настороженно спросила Оксана, не глядя мне в глаза – кажется, она теперь меня побаивалась.

– Что за глупый вопрос! Закон запрещает! – рыкнула я и, оставив пустую тарелку на столе, вышла из дома.

Во дворе я закинула за спину небольшой лук из дубового прута и колчан с десятком стрел зеленого оперения. Я принялась аккуратно закреплять крагу на левой руке и направилась в самую чащу леса на северо-востоке – излюбленное место диких кабанов и прочей вкусной живности, которая по понятным причинам почти полностью покинула нашу часть леса. Крагу сделала для меня Марина из плотной кабаньей кожи, и теперь это была единственная моя защита от тетивы лука. А сшитые ею напальчник и защитный нагрудник я не надевала, потому что пальцы уже давно загрубели, и тетива не резала их. Слишком много кожи для волка, ненавидящего ее. Хотя и под крагой кожа потела, а шнуровка с трудом удавалась мне, особенно в первое время. Сейчас я приноровилась затягивать её одной рукой, помогая зубами. Ветер приятно охлаждал мою кожу под льняными брюками, и я могла вдыхать свежий лесной воздух каждой клеточкой тела. Кроме левого предплечья и пояса, затянутых в кожу!

Я продвигалась всё дальше на восток и вскоре вышла на дорогу, соединяющую поместье с городом. Над трассой стоял запах нагретого асфальта и испарений после утреннего дождя. Я едва не задохнулась от вони, столь сильно контрастирующей со свежестью леса. Перебежав шоссе, я скрылась в тени высоких дубов, растворилась в их прохладе и ароматах. Мне нельзя было подходить близко к вышке или пересекать тропу кабанов. Но они оставались справа от меня, я же направилась в другую сторону, где обитало много разной живности, что я могла бы добыть для семьи и сгладить свою провинность. Думаю, несколько белок и зайцев смогут выпросить мне прощение у отца за прогул. Тем более мама любит их мясо больше кабаньего, оно нежнее. Особенно хорошо ей удастся тушеный заяц с овощами и картофелем. У меня потекли слюнки от всех промелькнувших в голове блюд мамы, и я вспомнила, что неплотно позавтракала. В животе грустно заурчало, и я резко остановилась, чтобы не спугнуть своих будущих жертв. К сожалению, там же обитало несколько одиноких самцов кабана, но охотиться на них в одиночку было бы крайне безрассудно. Холодок пробежал по моей спине. Я поправила короткий нож, висевший на поясе, и два метательных ножа, незаметно спрятавшихся за спиной, в кармашках пояса.

Углубившись в восточный лес, я увидела среди старых поломанных лип заброшенный бревенчатый домик, уже потемневший от времени и стихий. Покрытие крыши давно разобрали на нужды стаи, но костяк мамы заставила сберечь. Она боялась, что ей придется доживать в нем старость, как пришлось её матери.

Отчего-то мне вспомнился один из вечеров в этом доме, когда мы собирались у растопленной печи. Неней разлила всем по огромной кружке черного чая с какими-то травами, щедро добавила теплого молока и поставила на стол вместе с двумя тарелками чак-чака. Мама посылала нас навещать неней хотя бы раз в неделю: отнести ей продукты, наколоть дров и провести уборку. В отличие от моих братьев, что считали эти дела повинностью, мне нравились походы

к неней. Здесь вкусно кормили, а вечер всегда заканчивался хорошей сказкой. Неней накинула шаль на озябшие плечи, хотя в доме было и так слишком жарко от натопленной печи. С тех пор, как она перестала обращаться, неней стала быстро стареть и много болеть. Она в очередной раз напомнила нам, чтобы мы ели, хотя наши животы были уже натянуты до предела. Думаю, неней была единственной, кому удавалось накормить волка досыта и даже больше. Она села у печи, в деревянное кресло-качалку, обтянутое коричневой кожей, и, взяв в руки пиалу с чаем, смачно отхлебнула. Я восхищалась ею, особенно в те дни, когда она не пыталась выгнать меня скалкой со своего двора, напрочь забыв, что уже разрешила мне присутствовать на семейных посиделках, и когда не звала меня презрительно «Урыс» или еще кем похуже. Хотя её слов я не понимала, но признавала в нем ругательство.

Я услышала вдалеке характерный треск кожуры орехов или желудей и, оторвав себя от теплых грез, направилась туда, ступая осторожно и почти бесшумно. У подножья орешника сидела белка, вцепившись острыми коготками в лесной плод. Я очень медленно сняла со спины лук и потянулась за стрелой, когда зверек вдруг насторожился и, обвинив длинными скачками соседний дуб, скрылся в густой кроне. Что ее спугнуло? Я была бесшумна, как ниндзя!

Я закрыла глаза и прислушалась, стараясь игнорировать стук в ушах от нетерпения и досады. До меня донесся щебет птиц с верхушек деревьев, стук дятла на северо-востоке и тяжелое дыхание позади, словно где-то поблизости была лошадь. Наверно, фермерская сбежала. В листьях копошились ежи, несколько зайцев расположились чуть восточнее, что было слышно по характерному стуку лап и чавканью. Белка до сих пор пряталась в густой листве высоко надо мной, я чувствовала, как она наблюдает, но знала: последовать за ней, значит загнать её в дупло, откуда не смогу ее выманить. Значит, зайцы.

Я направилась на восток и притаилась в кустах рядом с одним из длинноухих зверьков. Убрав лук, я достала нож и короткими осторожными шагами двинулась вперед. Заяц не видел меня, он был слишком увлечен сочной зеленью, что покрыла полянку под старым дубом, а хруст заглушал ему прочие звуки. Я стиснула рукоять, с трудом удерживая себя на месте, и дала себе время успокоиться. Сердце настойчивее стучало в ушах, а мысли в смятении разбежались. Мне стало труднее дышать. Нужно отступить назад, пока не возьму себя в руки. И вдруг меня окутало зловещее спокойствие... Только не сейчас!

Я шагнула вперед и стала красться к своей жертве, пригнувшись ближе к земле. Заяц почуял угрозу, когда я была уже близко. Встав на задние лапы, он перестал жевать и внимательно огляделся. Я была позади, в мертвой зоне, невидимая для него. Наслаждаясь его тревогой и неведением, я слушала, как его сердце забилось быстрее, как он напрягся в сомнениях: убежать и оставить вкусную еду или остаться. А мои мысли занимала дилемма: дать ему убратся и продлить погоню или покончить с ним на месте? Заяц вдруг сорвался с места и длинными прыжками поскакал вглубь леса. Я тут же направилась за ним, перепрыгивая корни деревьев и высокую траву, обходя все лесные препятствия, но не прячась, а держа наготове нож. Я чувствовала себя ветром: быстрым, сильным, порывистым и ловким. Заяц мог развить хорошую скорость, но я видела, чувствовала, знала, что без труда нагоню его, если захочу, но я не хотела прерывать любимую часть охоты – погоню. За ним тянулся сладостный аромат страха смерти, страха боли, страха, что догонят... И я, как ищейка, шла на запах.

Вдруг меня привлек новый запах, знакомый, и я тут же остановилась. Мой разум сразу же охладел и насторожился. Я осмотрелась, с трудом соображая, в какой части леса нахожусь и откуда пришла. Заяц за это время убежал слишком далеко, чтобы я сумела его догнать, но я все равно не планировала следовать за ним. Не теперь, когда я была так близко к тропе кабанов, куда мне нельзя было подходить. Тони... Он был где-то поблизости, совсем рядом, но вряд ли учуял меня. Я шла с подветренной стороны и могла бы подойти к нему незамеченной на расстояние недолгого взгляда украдкой. Я подавила желание преследовать Тони, понаблюдать за ним, увидеть его краем глаза, и пошла обратно, подальше от кабанов и охоты моей стаи.

Кровожадная сущность снова взяла надо мной верх... Как я могла допустить такое? Теперь я и зайца упустила, и белка сбежала, но я не могу вернуться с пустыми руками. Слишком много на сегодня проколов, чтобы отец простил мне это. Ни оружия не выковала, ни мяса в дом не принесла. Я осознавала, что не успею в кузницу к обеду, как и забежать к Кате.

Я продиралась сквозь кусты дикой малины, яростно лупя по ним ножом и осознавая, что наверняка был обходной путь и за зайцем я бежала точно не этой тропой. Но мне было все равно, я хотела выпустить пар, и дикие кусты, колючие и упрямые, были как раз тем, что мне сейчас было нужно. Выйдя из малинника, я мрачно огляделась, решая, в какую сторону можно пойти, чтобы вернуться домой, не наткнувшись на своих же. Пройдя несколько километров вглубь леса, я прислушалась. Где-то вдалеке кричала кукушка, в траве стрекотали кузнечики, мимо пролетели две стрекозы, лишь на мгновение зависнув у моего лица. На коре молодого дуба возле меня я заметила глубокие борозды, кажется, оставленные кабаном средних размеров. Не может быть! Похоже я напала на след самцов, что ошиваются на северо-востоке леса, и теперь я хотя бы знаю, где нахожусь. Тут же мне подумалось, что не будет большого ущерба, если одного из них я сегодня принесу домой. Разум кричал, что это самоубийство, но я-то понимала, что самоубийством будет вернуться домой без добычи.

Глава 10. Кабан

У меня тряслись коленки от мысли, что я собираюсь охотиться в одиночку на одного из самых крупных и страшных зверей в наших лесах. Кабан – опасное и быстрое животное, приходящее в ярость от ранений. Как говорит отец, его лучше убить с первого выстрела, либо не соваться к нему вовсе.

Я шла против ветра, кабан не сможет меня учуять. Спустя несколько метров появились следы на влажной от дождя земле, поэтому я достала из-за спины лук и вставила стрелу. Я кралась вперед, внимательно следя за тем, куда наступаю, избегая сухих веток и лишних шорохов листвы. Кабаны плохо видят, но вот слух и обоняние у них отменные. Поэтому, если мне удастся подойти достаточно близко без лишнего шума и с подветренной стороны, то у меня будет шанс для одного единственного выстрела. Это срабатывало с другими животными, но получится ли с кабаном? Я слабо представляла себе, как можно охотиться без загонщика. Но, несмотря на все сомнения, я твердо шла вперед. Наши загонщики обычно выгоняют зверя из укрытия и гонят его на нас, а мы с другими лучниками отстреливаем нужных со специальной башни. Я не смогу и гнать животное, и стрелять вдогонку, но и отступить уже не в праве. Я должна принести хотя бы одного зверя.

Вдруг где-то впереди раздалось громкое конское ржание, и затем послышался настойчивый шорох в кустах и в высокой траве, которая закачалась из стороны в сторону, словно кто-то по ней продирался. Я отступила на два шага назад и замерла в ожидании. Кровь прилила к голове, застучала в ушах. Из кустов на меня вышел огромный косматый серый кабан с маленькими поросычьими глазками и расходящимися в стороны, словно острые ножи, грязно-желтыми клыками, один из которых был искорежен и надломан. Его тело покрывали грубые уродливые шрамы, бороздами разрывающие некогда красивую мощную шкуру. Животное хрипло дышало, источая угрозу и поднимавшуюся в нем ярость. В ту же секунду я пожалела о том, что сунулась сюда. Наставив лук на противника, я видела, как дрожит натянутая стрела, не давая мне прицелиться. Я должна была выйти на след кабана и незаметно подкрасться к его логову, а не столкнуться с ним лицом к лицу.

Судорожно пытаюсь вспомнить, какое сейчас время года, я оценивала шансы: что передо мной была самка. Тогда где-то поблизости могут быть её поросята и, значит, живой мне отсюда не выбраться. Стоп. У самок не такие клыки, значит, это был самец, а точнее хорошо вооруженный секач, готовый растерзать меня одним яростным взмахом. Мое дыхание было тяжелым и давалось с трудом. Я следила за каждым движением кабана, пытаюсь предугадать его следующее действие.

Он недолго смотрел на меня, прежде чем с ревом броситься в мою сторону. Я выстрелила наугад и бросилась бежать, нарушив сразу несколько постулатов. Отец заставлял учить меня правила охоты на разных животных, если вдруг я решу пойти в охотники, но они не пошли мне впрок. Я вспомнила о них лишь, когда нарушила. Во-первых, я не убила кабана с первого выстрела. Во-вторых, убежала, хотя должна была дать ему подойти поближе и просто отскочить в сторону. Тогда он убежал бы прочь и больше не полез на меня.

Я забралась на достаточно мощную для моего веса липу и оглянулась. Под ладонями, что обхватили её прочные ветви, я чувствовала влагу ночного дождя и вцепилась крепче, ощущая скольжение рук о молодую гладкую кору. Животное с разбегу налетело на мое дерево и, словно рикошетом этого удара, липа оттолкнула меня от своей скользкой коры вместе с градом серебристых капель дождя. Собрав удары почти трети ветвей, расцарапав в кровь лицо, локти и бедро, получив мощный удар в грудь, я смогла оттолкнуться от ствола в метре от земли и приземлиться на ноги за спиной кабана. Но в следующий миг я повалилась на колени, задыхаясь от полученного удара в солнечное сплетение, а потом на бок.

В ушах стоял жуткий шум, похожий на треск, но я заставила себя поднять затуманенный взгляд на животное. Кабан яростно раздирал кору у подножья дерева, силясь согнать меня вниз, и даже не догадываясь, что я лежу на земле у его ног. Моя кровь была размазана по ветвям, что он терзал, и зверь не мог разобраться, где я нахожусь, но чуял, что я где-то рядом. Меня сковал страх и ужас от близости столь опасного существа, и я боялась пошевелиться. Я почти не слышала его ярости, но мне было достаточно видеть его.

Вдруг стук в ушах усилился, и мои глаза стала застилать красная пелена. Так моя самая страшная и кровожадная сущность выходила наружу. Внутренний голос, сладкий и до боли знакомый, нашептывал мне, взывая к моим страхам и баюкая меня: «Впусти меня... Я заберу твою боль... Заберу твой страх... Всё будет хорошо... Впусти...»

Я расслабилась и позволила ему завладеть мною, понимая, что не могу сопротивляться его власти и что он, возможно, единственный, который может вытащить меня из этой переделки. Секач в ярости обернулся на меня, когда я поднялась на ноги и неспешно отряхнулась. Я смотрела на него сквозь алую пелену новой меня, сильной меня, страшной меня. Боль ушла, как и страх. Ни шума в голове и ушах, ни боли от ссадин и переломов. Улыбнувшись одним уголком рта, я перепрыгнула через метровое животное и помчалась прочь. Зверь пустился вслед за мной, выворачивая на ходу кусты и молодую поросль. Он кряхтел и ревел, пытаясь запугать меня, заставить остолбенеть от страха, сделать ошибку и позволить ему нагнать меня. Но я не могла этого допустить, как не могла допустить и того, чтобы все закончилось моим трусливым бегством.

Меня окутало наслаждение от его злости и ярости. Он так неистово хотел нагнать меня и вспороть мне живот своими клыками-секачами, затоптать мое тело копытами, пока я не перестану дышать, и даже больше, сожрать мои внутренности, как трофей победителя. Но сегодня трофей должен был достаться мне.

Я резко остановилась, пока он не потерял ко мне интерес, и пустила ему в бок стрелу, зная, что это одно из самых крепких мест зверя. Я не старалась убить его, а лишь разжечь его ярость, и добилась своего. Он взвизгнул от неожиданной боли и, остановившись передо мной, стал неистово рыть копытами землю, пытаясь и едва сдерживая свою ярость. Адреналин вновь ударил мне в голову, и я расхохоталась. Ох, как же мне это нравится! А когда соперник ещё и так опасен, победа будет в стократ слаще. Он глушит свой страх под яростью и гортанным ревом, но я все равно ощущаю его ужас на кончике своего языка. Он боится меня, и правильно, как и я боюсь его, что тоже не бесосновательно. Кто будет сегодня победителем, а кто будет мертв? Я пустила в него ещё три стрелы, попав в бока и в голову, но не пробив череп, и вновь побежала прочь. Он, рыча и неистово мотая головой, следовал за мной по пятам, не желая сдаваться и отпустить меня живой. Он жаждал мести, крови, моей плоти, как и я жаждала его страха, его ярости, его смерти. Откинув на ходу лук, я выдернула из-за пояса кинжал и, дав кабану почти нагнать меня, чуть отступила в сторону. Мое бедро вдруг вспыхнуло, когда животное пробежало мимо, но тут же затихло. Я позволила кабану чуть опередить меня и последовала за ним. Он не мог понять, куда я подевалась, и продолжал бежать вперед, ощущая мой запах где-то поблизости. *Я рядом, совсем близко, ты меня чувствуешь, ты знаешь, что я здесь, но не видишь меня, и это пугает тебя*, хотелось мне прошептать, *я рядом, прямо за твоей спиной*. С этой мыслью я бросилась на кабана и вскочила на его спину, схватив за холку. Я чувствовала, как под моей ладонью, что покоилась на боку животного, пульсирует кровь, огромная жизненная сила и ярость. Мое правое колено чуть соскользнуло со зверя из-за влаги, что пропитала мои штаны, но я вовремя подтянула его назад и осознала, что у меня осталось не так много времени и с этим пора заканчивать. Проехав ещё несколько метров, стоя на хребте кабана, я выхватила кинжал и одним резким взмахом перерезала ему горло.

Животное пробежало еще немного, прежде чем повалилось вперед и по инерции проехало ещё какой-то путь. Содрогаюсь и кряхтя, зверь извергал из себя оставшуюся кровь. Я

присела на корточки рядом с его умирающим телом и встретилась с ним взглядом. Несмотря на всю злобу и буйство, что я видела совсем недавно, теперь он выглядел уже не столь храбро и смотрел на меня взглядом побитого щенка, словно вопрошая: *за что?* Я могла бы перечислить ему тысячи причин, но боялась упустить минуты его предсмертной агонии и пыталась впитать все сладостные муки его скорой смерти.

Я очнулась, когда почувствовала знакомые, почти родные запахи леса возле своего дома. Красная пелена больше не застилала мой взор, и я поняла, что все прошло. Мои руки были по локоть в крови, на теле горели ссадины и глубокие царапины, ребра гудели от полученного удара о ветку, а бедро пронзала глубокая тупая боль, когда я ступала на правую ногу. В руке был уверенно сжат короткий нож, а лука нигде не было видно. Медленно оглядевшись вокруг и осознав, что оружия нигде нет, я решила вернуться назад, по запаху незнакомой крови, коей была пропитана моя кожа. Найти свою жертву оказалось не так трудно, тем более, когда она возвышалась над густой травой, даже лежа на боку. А вот дотащить её до дома оказалось куда труднее.

Кабан весил уйму килограмм и, обвив веревкой его задние ноги, я потащила свой трофей домой. Превозмогая мучившую меня боль в бедре, я проходила с веревкой далеко вперед, обматывала дерево и начинала яростно тянуть тушу на себя, используя стволы, как блоки. У меня не было сил и выдержки, чтобы не обращать внимания на боль и глотать слезы от боли и отчаяния, поэтому я позволила им капать и лишь изредка отирала их грязной рукой, когда они застилали мне обзор. Веревка терлась о грубую кору и истончалась, но я продолжала двигаться вперед, к следующему блоку-дереву.

На тропу передо мной вдруг выскочил заяц и встал на задние лапы, чтобы оглядеться. Я удивленно смотрела, как он посмотрел в мою сторону, но куда-то мимо меня, затем в другую сторону, неуверенно перескочил на пару шагов и вновь принялся изучать местность. Я прошла вперед, и заяц позволил мне немного догнать себя, затем проскакал далеко вперед и стал меня ждать. Тут из кустов показался второй заяц, что вторил первому в движениях и поведении. Они издеваются надо мной? Дразнят? Чуют, как я устала, ранена и вымотана? Чуют, что не смогу устроить на них облаву и загнать? Высоко в ветвях прошуршала белка, и, мне казалось, я слышала, как она смеется надо мной за поражение. Мне хотелось крикнуть им, что я завалила кабана! Но чудилось, что они хохотали надо мной пуще прежнего. Я не могу это так оставить, ненавижу, когда надо мной смеются... Но что я могла сделать сейчас? Мои руки были истерты в кровь, веревка истончена настолько, что готова была лопнуть в любую минуту, а мне до дома ещё несколько километров. Я с трудом уже держалась на ногах, в голове стучало, окружавшая меня местность начинала уплывать из-за боли, коей до сих пор горело мое тело. Прикрыв глаза на минуту, я дала себе возможность передохнуть и успокоиться. Мне нужно набраться сил для решающего рывка, но, вернувшись в реальность, я обнаружила двух наглых зайцев на моей тропе, бесстрашных и ленивых. Вытаскивать нож было слишком очевидно и спугнуло бы их. Поэтому я скинула веревку, что резала мне пальцы, завела дрожащие руки за спину, обвила ими два кинжала, которые покоились на спинных ремешках, и упала лицом во влажную землю. Меня накрыла темнота.

Глава 11. Это моя добыча!

Слегка приоткрыв глаза, я увидела голубые глаза Алёши, полные тревоги. Он хмуро изучал моё лицо: есть ли признаки жизни? Я пыталась пошевелиться, и тело вновь отозвалось жуткой болью в каждой клеточке.

– Ты как? – тихо спросил хранитель.

– Жить буду. Где мой кабан? – встрепенулась я и осмотрелась.

Алеша поднялся на ноги и указал на огромную тушу, лежащую неподалёку. На месте.

– Закопаем? – вдруг спросил Лёша, уперев руки в бока и оглядываясь в поисках подходящего места.

– В смысле?

Я вскочила на ноги и встала между ним и кабаном. Ногу обожгла острая боль, и я накрыла рану рукой. Под разрывом в ткани что-то было, и я засунула туда пальцы.

– Не трогай. Это подорожник.

Я вынула из прорези кашицу из травы и сунула ему под нос:

– С твоими слюнями? Достаточно было приложить лист к ране целиком! Не обязательно было его жевать!

– Ты столько времени общаешься с Машкой, возишься с её аптекарскими травками, а таких банальных вещей не знаешь, – недовольно проговорил он и откинул мою руку от своего лица. – Он лучше действует, если его разжевать, да и слюни у волков целебные.

– Я знаю, – буркнула я и недовольно приложила кашу обратно к ране.

Нога по-прежнему ныла, и я с трудом могла наступать на неё. Я оглянулась на кабана и шумно выдохнула.

– Я сам, не волнуйся. Никто не узнает.

Я удивлённо посмотрела на него и вспомнила про его странное желание закопать мой трофей.

– Только через мой труп, – процедила я.

– Но ты же всегда их закапываешь, – удивлённо пробормотал Лёша и посмотрел на кабана.

– Откуда ты?..

Я не знала, злиться на него или стыдиться своих поступков. Но я всё же решила, что сейчас важнее защитить свою добычу.

– Я видел тебя пару раз... – смущённо пробормотал Алеша, а, когда я насторожилась, быстро продолжил: – Больше никто не знает. Ты хочешь отнести его домой?

Я кивнула и, взяв верёвку, пошла искать подходящее дерево-блок. Алёша, подхватив сумку, мой лук и колчан, направился следом. Где он нашёл моё оружие? Найдя дерево покрепче, я уперлась ногами в землю и принялась тянуть. Хранитель перехватил из моих рук верёвку и, вручив мне свою поклажу, занялся кабаном. Моя гордость кричала, чтобы я делала это сама, но рассудок мыслил более здраво, сообщая, что, падая в обмороки, я доберусь до дома к завтрашнему вечеру. Из сумки, что я прижимала к груди, торчал какой-то мех, и, заглянув внутрь, я увидела тех самых зайцев и белку, что ещё недавно издевательски скакали вокруг меня. Я благодарно посмотрела на хранителя, и мне стало стыдно за себя. Сквозь промокшую от пота светлую рубаху я видела, как напрягаются мышцы на его спине, когда он тянул моего кабана, и мне оставалось лишь удивляться, откуда столько силы в хрупком хранителе.

До дома мы добрались как раз к полднику. У кромки лагеря Алёша помог надеть на меня лук, колчан и сумку. Затем вручил мне верёвку, тихо сказав:

– Дальше сама. Это твоя добыча.

Он скрылся за ближайшими домиками, а я осталась стоять нагруженная и уставшая за сотни метров от дома. Несколько раз тяжело вздохнув, я поняла, что он прав: я должна донести все сама. Мои родные готовы будут поверить, что кабана завалил хранитель или зайцы из моей сумки, только не я. А всё этот Иван, который так любит присваивать себе мои заслуги. Посмотрим, что они теперь скажут. Я взялась за верёвку и, найдя подходящее дерево, принялась тянуть кабана вверх по тропе, ведущей вглубь лагеря. Вскоре вокруг меня стали собираться любопытные зеваки: кто-то смеялся, указывая на меня, кто-то ехидно наслаждался моими потугами, кто-то с интересом наблюдал, но были и те, кто подбадривал, шел рядом, сопровождая меня до дома. Несколько мальчишек хотели помочь мне, девчонки пытались оседлать моего секача, но взрослые отгоняли их, говоря, что это не их добыча. Спустя полчаса я была уже около дома.

Царапины и раны почти затянулись, кроме глубокого пореза на бедре, но я уже едва ощущала свое тело от усталости. Ближе к дому крупные деревья почти закончились, и я привалилась к высокой сосне возле нашего дома, радуясь ей, как новогоднему подарку. Последний рывок. А в дом уже на руках понесу... В голове пульсировала боль от перенапряжения. Волоча кабана почти на себе, скребя землю руками, взбираясь на ступени крыльца ползком, изнемогая от усталости и с трудом перебирая натруженными ногами, я ввалилась в свое жилище и рухнула на пол.

– Это ещё что за чудо-юдо? – рассмеялся Миша, и я ощутила, как вкусно пахнет едой – семья полдничала.

В дом заглядывали любопытные, но никто не смел войти внутрь.

– Эрика, ты будешь есть? – строго спросила мамА и, даже не глядя на неё, я чувствовала, что она хмурится.

– Эй, Ваню! Мы, похоже, не все твои тушки нашли! – рассмеялся Федор. – Вон, Эрика ещё одну обнаружила! Какой он жуткий... Зачем мы выбрали такого? Мариша будет в ужасе!

– Да? – раздался голос Ивана, самого ненавистного мне человека.

Предположение Федора так удивило меня, что силы вдруг резко ко мне вернулись и вылились в протест и возмущение. Я поднялась на ноги и, едва устояв, осмотрела обеденный стол. Первыми мне в глаза попались еда и вода: жареные перепелки с грибами и картофелем. Вкуснятина! За столом не было отца и Марины, зато был Иван. Его тонкие губы изогнулись в усмешке, когда он посмотрел на меня.

– Это моя добыча! – я с трудом выдавила из себя эти слова, получилось не очень уверенно.

– Твоя? То есть ты ее убила или она умерла от старости? – зло рассмеялся Миша. Я удивленно посмотрела на него, считая, что холод в его голосе мне лишь почудился.

– Эрика, неужели нельзя было позвать нас? Мы бы сходили за ней! – возмутился Федор.

– Или могла бы попросить Алешу. Он целый день о тебе спрашивает, – мягко заметила Оксана.

– Я убила... его... и принесла, – пробормотала я и стыдливо опустила глаза.

– Садись уже, Эрика, за стол и не говори глупости. Ты едва держишься на ногах, – строго проговорила мамА и поставила мою тарелку на стол.

Я тут же набросилась на еду, запивая её жадными глотками воды. Птица была немного суховата, но мне было все равно. Тело благодарно растеклось по стулу, отдыхая, и слегка дрожало от пережитого напряжения. Краем глаза я уловила взгляд мамА и резко обернулась, зажав картошку в зубах; жир стекал по моему подбородку, и я ловко отерла его. МамА указала мне на мои руки, и я проследила за ее взглядом. Они были грязными от земли и темно-красными от моей и кабаньей крови, под ногтями было черно. Но тазик стоял слишком далеко от меня, чтобы дотянуться до него, не вставая с места. Поэтому я опустила глаза в тарелку и решила не обращать внимания на недовольство мамА. Я слишком устала, чтобы пытаться встать! У

меня даже не было сил возражать братьям, но, съев половину порции и немного придя в себя, я вновь принялась настаивать на своем.

– Федор, Миш, это и правда я убила кабана! – взмолилась я, но слышала, как жалко звучит мой голос.

– Чем ты это докажешь? – усмехнулся Иван, скрестив руки на столе. – Сегодня все тушки убиты мной, мне нечего скрывать!

Иван был одним из лучших стрелков в стае, только за это и за то, что он всё же обернулся, его выпустили из храма и позволили присоединиться к стае. А я не любила его именно за то, что он потеснил меня в стрельбе и добился того, чего мне никак не удавалось – уважения. Мы с ним мало чем отличаемся, но в то же время разнимся во всем. Его история так же печальна, как и моя. Когда ещё был жив дед Эрик, стая гостила у песчаных волков, на юге страны. Налаживали взаимовыгодное сотрудничество или торговые связи, уж точно не знаю, но погостили-погостили и уехали. А через девять месяцев хранительница песчаных понесла не пойми от кого. Естественно, тамошний вожак всполошился: щенок пахнет чужаками, пусть туда и отправляется. Так Иван попал к нам в стаю. Его мать песчаные волки нам не отдали, это их собственность, а щенок, сказали, ваш. В нашей стае никто не признал его сыном, и дед отдал его в храм на воспитание хранителям. В отличие от меня, у Ивана не было семьи. Лишь раз в год он уезжал на несколько месяцев к матери, и его ненавидела не одна женщина – жена отца, как меня, а все волчицы в обеих стаях, считая, что именно её муж был отцом Ивана. Но у него хотя бы была мать до некоторых пор, в отличие от меня. Два года назад она скончалась, тоже какая-то темная история. Я бы всё отдала, всю свою семью за то, чтобы у меня тоже была мама, хотя бы на один месяц в году. Я могла бы ей рассказывать, что творится у меня на душе. Она понимала бы или хотя бы пыталась понять меня. Я бы ощущала её теплые объятия, нежные, заботливые и безопасные, и могла бы прижаться к ней, чтобы почувствовать себя дома. И я бы знала, что есть в мире человек, который волнуется обо мне. Она бы гладила меня по голове и говорила, что я – самый любимый ребенок на этой земле. Вдруг чья-то теплая рука опустилась на мой затылок, и я очнулась от своих мыслей. Вид у меня похоже был глупый, судя по дебиловатой ухмылке на лице Миши.

– С тобой всё в порядке? – тихо проговорила мама, глядя меня по голове. – Ты почти не притронулась к еде. Поди всё остыло уже.

– Не трогай меня! – яростно проговорила я и оттолкнула её руку. Она словно ворвалась в мои мысли и вытеснила мою маму, заняла её место, пыталась вести себя со мной мягко, но это было неискренне. Мне хотелось встать и оттолкнуть её ещё дальше. Я чувствовала, как она стоит за моей спиной, как вздыхает, не одобряя мое поведение. Даже не поднимая глаз, я ощущала свирепый взгляд Миши на себе. Я бы тоже защищала свою мать. Он любил её нежно и трепетно, как маленький мальчик, до сих пор державшийся за её длинную юбку.

Федор с Иваном о чем-то спорили и не замечали нашу стычку. Я нехотя прислушалась к ним, стараясь не встречаться взглядом с Мишей и мамой.

– Её стрелы помечены зеленым, а твои – красные! – возмутился Федор.

– Она могла сама их и воткнуть! Это ничего не доказывает!

– Тогда почему они болтаются почти на поверхности, словно ты стрелял в него в полсилы? – не унимался брат, и Иван помрачнел.

– Это я его убила – и точка! Там мои стрелы!

– Да? – усмехнулся Иван и, встав из-за стола, подошел к туше, лежащей у входа в дом и не дающей двери закрыться. – А теперь?

Он взял в углу брошенные кем-то стрелы и воткнул три стрелы с красными перьями в моего кабана, после чего повернулся к нам и скрестил руки на груди.

– Теперь там и мои стрелы. Значит, я тоже её убил, так? Не придумывай, Эрика, это либо мой кабан, либо ты нашла в лесу сдохшего от старости кабана и воткнула в него свои стрелы!

– Вы с ума сошли? – засуетилась мама. – Если Марина увидит, как вы портите кожу, только чтобы доказать друг другу свою правоту, она воткнет эти стрелы в ваши шкуры! А ну перестаньте!

Иван напрягся, тогда как мне было наплевать. Я была зла, и мне не было дела до какой-то там кожи. Иван поспешно вынул стрелы из туши и прошел за стол.

– Это все равно мой кабан, – бросил он, проходя мимо меня, и я испепелила его взглядом.

– Разрази меня Кирей! – прогреготал голос отца с улицы, и мы резко встали из-за стола. – Иван! Это твой кабан лежит посреди дороги и мешает мне войти в мой дом?!

– Не-е-ет. Это Эрика его сюда притащила! – заикаясь, оправдывался Иван, и, кажется, я услышала, как задрожали его колени.

– Потому что это мой кабан, отец, – вновь попыталась объяснить я, но этот факт уже никому не был интересен. Отец схватил кабана за заднюю ногу и отшвырнул его с порога во двор.

– Отнесите его Марине, пока он не испортился, хотя эту шкуру она вряд ли возьмется обрабатывать. Ты сегодня встала не с той ноги, Эрика, если умудрилась выбрать такое уродливое животное и столько раз промазать по нему, – угрюмо усмехнулся отец, когда наконец вошел в дом.

– Ты мне веришь? – спросила я, с подозрением глядя на отца сквозь прищуренные глаза.

Отец молча скинул куртку и прошел к умывальнику. Оксана суетилась на кухне, наполняя его тарелку горячей пищей, братья и Иван притихли и, лишь изредка хихикая, перекидывались какими-то шутками, но последний явно стал чувствовать себя не в своей тарелке. А что чувствовала я? Должна была ощущать страх перед гневом отца за сегодняшний день, злость за то, что мне никто не верит, ярость за выходку Ивана, голод – потому что пока съела немного, но я ощущала лишь нарастающую во мне надежду. Надежду, что отец поверил мне, может быть, впервые за долгое время. Я встала из-за стола и проковыляла к отцу, делая вид, что тоже хочу умыться. Дождавшись, когда он возьмется за полотенце, я заняла его место и принялась умываться, густо намазывая шею, лицо и руки мылом. Краем глаза я следила за его движениями, выжидая удобного момента, чтобы с ним поговорить. Он чувствовал мое напряжение, я это видела, но заговорил лишь, когда закончил свои процедуры.

– Кабан умер от перерезанной глотки, а не от стрел, – шепнул отец, проходя мимо меня, и сел за стол, после чего продолжил уже суровым тоном: – Но это не значит, что я не зол на тебя! Ты не пришла ночевать домой, не успела на охоту, испортила шкуру и не явилась в кузницу! Где тебя носило весь день?

Отец сильно устал и был зол на меня, но я видела волнение в его карих глазах. Он говорил порывисто, почти не смотря на меня, что было верным признаком его тревоги. Неужели ему было не все равно, что со мной было? Я наспех вытерлась полотенцем и, судя по темным разводам, что оставили на нем мои лицо и руки, вымылась я недостаточно хорошо. Но мне было уже наплевать, я поспешно села за стол, морщась от ноющей боли в бедре, и стала осторожно клевать из своей тарелки, лишь изредка поднимая на отца виноватый взгляд.

– Охотилась, – почти шепотом проговорила я. – Проспала... Мы проговорили с Катькой допоздна... Ну знаешь, как это бывает?

– И что такого важного можно было обсуждать столько времени? – Отец пристально посмотрел на меня, и мои мысли заметались в голове с бешеной скоростью: я тщательно выбирала, что можно говорить отцу, а что нельзя. Про бал точно нельзя. Может про Вардов?

– Варды! – воскликнула я.

– Что? – на меня уставились несколько пар глаз, удивленно и непонимающе.

– Ну Варды! Они вернулись, – бодро проговорила я, радуясь найденной теме. – Катька сказала, что ее отец помогал им с разгрузкой багажа. Их приехало очень много! Больше ста! Кажется, на какой-то праздник, но не знаю, когда он будет, – соврала я. – И у них есть самолет!

Я тараторила без остановки, боясь сболтнуть что-то секретное, поэтому выдавала всякую бесполезную информацию и, если бы знала, как выглядит хотя бы пара Вардов, то, наверно, принялась описывать в мельчайших деталях.

– Самолет? – Отец прищурился, сверля меня взглядом, а потом, натянуто улыбнувшись, отозвался: – Где ж они его сажают, здесь же нет взлетно-посадочных полос...

– Здесь нет, но с той стороны гор у них аэродром! Здорово, да? Мы живем и не знаем, что совсем рядом есть аэропорт! Странно, что мы не слышим их самолеты?

– А они заходят на посадку с другой стороны гор, и может...

– Глушаки? – сурово спросил Федор отца, на что тот кивнул.

Что-то мне в их взглядах не понравилось, но я не могла разобрать, что. Мне казалось, я несла всякую чушь, но отец в этом что-то углядел.

– О чем еще вы говорили с подругой? – наигранно улыбнулся отец, словно ему были интересны наши девичьи беседы. Что-то было не так.

– Виктор, дай девочке прийти в себя! Она еле дошла. Ввалилась тут с этим ужасным кабаном...

– Не лезь, Ася. Позволь мне самому воспитывать своих детей.

– Значит, твоих детей? – прошептала мамА надломленным голосом, но, думаю, её услышали все в этой комнате. Остальные слова она проглотила, отвернулась к тазу и принялась яростно тереть грязную посуду в мыльной воде.

– Да, только его! – вспыхнула я. Я была согласна с отцом: пусть не лезет в наши с ним разговоры, она мне не мать в конце концов. Отец наконец-то слушает меня, хочет узнать, что я скажу, а она тут лезет!

– Не смей грубить матери!

Я упрямо уставилась на отца, ожидая очередной нотации или даже трепки, но он лишь устало потер глаза и принялся за свой ужин. Он о чем-то размышлял, и я боялась прервать течение его мыслей. Тихо все доев, я позволила Оксане убрать посуду и отказалась одними глазами от чая. Остальные члены семьи тоже молчали, братья внимательно смотрели на отца, заметив его задумчивость.

– На сегодня я в кузнице закончил. Завтра с раннего утра жду тебя там. И без опозданий! Хотя я сам тебя подниму, если потребуется! А сейчас заканчивай ужин и иди к Марине, вымалывать прощение за шкуру! Потом сразу домой! И уберите этого ужасного кабана прочь от моего дома, я даже отсюда чую его вонь! Федя, когда вернешься, нужно будет переговорить, поэтому не задерживайтесь там.

Тот коротко кивнул, нависнув над моим кабаном. Парни быстро подскочили и побежали исполнять приказания отца, лишь Миша бросил на меня пристальный злобный взгляд. Я удивленно встретилась с ним глазами, а он лишь покачал разочарованно головой. Что с ним такое сегодня? Из-за чего он так окрысился на меня? Из-за мамА? Или он тоже думает, что я вру насчет кабана? Я встала из-за стола вслед за ними и устало поплелась к двери. Силы уже возвращались ко мне, все раны затянулись, лишь бедро до сих пор кровоточило.

– Эрика, – проговорила мамА, с трудом сдерживая слезы, когда я была уже у двери и с трудом натягивала на себя плащ, – может быть, ты хочешь переодеться?

– Не-а, – уныло бросила я. Потом, вспомнив про своих зайцев и белку, протянула их мамА, на что она удивленно вскинула свои золотистые брови, и сказала: – Может, хоть эти сгодятся.

– Эрика! Нужно вернуться дотемна! – окликнул меня отец. В его глазах было смятение или сомнение, я не могла разобрать, но вскоре он всё же выдал из себя: – Без Марины не возвращайся! Это приказ!

Глава 12. Кожевенные дела

На улице перед домом было необыкновенно шумно, словно полнолуние будет сегодня. Хмуро оглядев волков и хранителей, снующих взад-вперед мимо нашего жилища с тюками и матрасами, возившихся у храма и препирающихся, я еще раз напомнила себе, какой сегодня день, и удивилась обилию волков вокруг. Впервые вижу, чтобы волки собирались на ночевку в храме аж за день до полнолуния. Зачем? Чего им в своих домах не сидится? Мне хотелось спросить всё у проходящей мимо хранительницы, но та была слишком занята своими делами.

Я направилась к кузнице и у кромки леса заметила братьев и Ивана. Они сгрудились вокруг моего кабана и о чем-то спорили. Им тоже не было дела до моих вопросов ни о суете в лагере, ни о настроениях шерифа. И я боялась, что они могут заставить меня тащить кабана к Марине. Ай! Ну и ладно! Мне все равно, зачем тут столько волков! Пусть хоть весь месяц тут живут, мне-то что? Подавив приступ любопытства, я все же заставила себя пойти прочь от дома и галдящих волков. Засунув руки в карманы, я наткнулась на пейджер и вспомнила о наряде к балу и о Кате. Я так и не попала к ней сегодня. Может, Марина отпустит меня вечером?

Погрузившись в мрачные мысли о своём месте в волчьем мире, я поплелась в кожевню к Марине. Я не бежала, не летела, а просто шла, засунув руки в карманы своего зелёного плащика, лениво перебирала уставшими ногами, то и дело спотыкаясь о корни деревьев.

Неудачно оступившись, я вспомнила о ноге – кабан хорошо приложил её своим клыком. Мельком взглянув на рану, я заметила, что из разорванной брючины снова капает кровь. Мне повезло, что клык был надломлен и не смог отрезать ногу от моего тела, а лишь оставил глубокую борозду. На ходу я сорвала пару листьев подорожника, разжевала их и, закатав штанину, наложила на рану, как учил меня Леша.

Меня подгоняли доносящиеся позади голоса братьев и Ивана. Судя по словам, что приносил мне ветер, они решали, как лучше нести кабана. Это мне напомнило басню Крылова «Лебедь, Рак и Щука» и вызвало ухмылку. Жаль, я не вижу их спора!

– Не уверен, что они донесут твоего кабана до Марины, – насмешливо сказал Алёша, догоняя меня, и я обернулась.

– Хочешь им помочь? – ехидно улыбнулась я, позволив ему идти рядом.

Мне было неудобно перед ним. Он доволол моего кабана, а все лавры достались мне одной. Хотя какие уж тут лавры, никто не поверил... Но я все равно чувствовала, что соврала всем, сказав, что донесла его сама. А еще мне было стыдно за свое грубое обращение с ним, хотя он столько помогает. И как я могла не замечать этого? Ему нужно было явиться ко мне в виде ангела спасения, чтобы я оценила наконец его заслуги?

– Не особенно.

– А если заметят, что ты был рядом и не помог хозяйским детям? – хмуро проговорила я, зная о долге хранителя и чем ему будет грозить ослушание.

– Нет, мы с подветренной стороны, – пробормотал Алёша и, откинув светлую прядь с лица, принялся, словно проверял направление ветра.

– Откуда ты столько знаешь? Я имею в виду – для хранителя.

– Я наблюдательный, – улыбнулся он.

Он намекал на свои тайные наблюдения за мной на охоте. Тут мне нечем было крыть. Он увидел ту сторону меня, что я от всех скрывала. Я шла дальше, не останавливаясь, голоса братьев приближались. Спустя несколько минут тишины он продолжил:

– Хранители волнуются. Твой отец объявил для них комендантский час.

– Опять ты об этом! Я ничего не знаю, но, думаю, у отца были причины так поступить. Не мути воду, Леш! – огрызнулась я, резко обернувшись к нему. Ногу прострелила адская боль, и я стиснула зубы.

– Давай я тебя понесу? – прошептал хранитель. – Хотя бы пока рана не затянется?

– Потерплю.

– Я в этом уверен, – ухмыльнулся он и больше не настаивал.

Нога продолжала адски ныть и плохо заживала. Глубоко же вошел в тело кабаньей клык! Я чувствовала каждую раненую клеточку, словно кто-то продолжал резать мою ногу снова и снова.

– Надо же, мы идём уже десять минут, а ты до сих пор меня не послала.

– У меня нет сил. Пока. – Я остановилась и привалилась к дереву. – Мне нужно отдохнуть.

– Если ты дашь ноге отдохнуть, она мигом затянется, – не унимался Леша, и я сдалась, протянув к нему руки.

Но он не отреагировал и стоял, не меняя позы. Я подняла на него взгляд и увидела его приподнятые брови, словно он не понимал, зачем я тянусь к нему. Вот гад! Хочет, чтобы я просила. Не буду, не стану. Кто он такой, черт возьми! Стиснув зубы, я сделала шаг вперед и, заскулив, сделала еще два шага.

– Упрямая девчонка! – проворчал Алеша и подхватил меня на руки, словно я ничего не весила. – Помрет, но ни за что не попросит помощи...

Его крепкие руки обхватили почти всю меня, и я впервые почувствовала себя необыкновенно легко, но странно... Что это было? Разум кричал, чтобы я оттолкнула его руки и шла сама. Я никогда не чувствовала себя так, как ощущала в эту минуту, но что было не так? Моя интуиция, напротив, была за то, чтобы я осталась, а я доверяла ей безоговорочно. Я обхватила руками его шею, положила голову на его широкую грудь и стала наблюдать за его волевым подбородком, покрытым рыжей щетиной. Впервые... Я чувствовала себя в безопасности. Может быть, и стоило переодеться. Пахло от меня отвратительно: потом, кровью и грязью.

– Чему ты ухмыляешься? – ехидно улыбаясь, спросила я.

– Да так, – безразличным тоном проговорил Леша, но его взгляд, упрямо устремленный вперед, был полон гордости и удовольствия, словно ему доверили что-то ценное или даже сделали вожакom стаи. Он едва заметно поглаживал кончиками пальцев мою спину.

– Тебе не тяжело? – удивленно спросила я. Он отрицательно покачал головой, а я продолжила: – Сначала волок моего кабана, теперь меня и даже не пыхтишь от усердия. Ты мог бы с лесниками валить лес.

– Это запрещено, – спокойно улыбнулся он, словно это нисколько его не трогало. Неужели место хранителя тяготит только меня?

Воздух был плотным и влажным, хотя трава и листья уже высохли после ночного дождя. Наступал теплый вечер, но запахи осени от пожелтевших деревьев и грибов наполняли лес всё сильнее.

Скоро стемнеет, но мне не хотелось торопиться, не хотелось приближать момент встречи с сестрой, извиняться за кабана, терпеть ее издевки, слушать нотации о моей несостоятельности. Город показался впереди, и вскоре Алеша остановился у здания аптеки. Здесь логичнее всего будет нам расстаться, чтобы в стае не пошли ненужные толки. Но он явно не собирался меня отпускать. Я сощурилась от вечернего солнца, что озарило всё вокруг мягким золотистым светом, и посмотрела на Алёшу. Он в задумчивости жевал нижнюю губу и избегал моего взгляда.

– Ты можешь уже поставить меня на место, – улыбнулась я, стараясь быть мягкой с хранителем, хотя с непривычки это давалось мне с трудом.

– А где твоё место? – прошептал он и обернулся ко мне так быстро, что я не успела отпрянуть, и наши лица оказались слишком близко друг к другу.

Он изучал моё лицо так тщательно и жадно, что я едва могла дышать. Мне стало неудобно, и я вырвалась из его рук, свалившись на асфальт.

– Спасибо, – задыхаясь, пробормотала я, – что донес. Дальше я сама.

Он молча буравил меня взглядом, и его вопрос снова всплыл в моих мыслях. Где моё место? Где оно? Точно не рядом с ним. Я поднялась на ноги и, коротко кивнув ему в знак благодарности, но не подняв на него глаз, потопала быстрыми шагами в кузницу. Нога почти не беспокоила, или мне было не до неё, но вскоре я влетела в туда и спряталась за её стенами от хранителя, оставшегося в километре отсюда. Те столкновения, что до сих пор приводили меня в ярость, теперь обретали другое значение. За один день он спас меня дважды, потому что ходил за мной по пятам. Надоедливый хранитель превратился в спасителя, в моего хранителя. Что заставило его выйти из тени?

Проходя через кузницу, я заметила, что сегодня отец много работал и опять всё разбросал. Изделий нигде не было видно. Думаю, они в кладовой, под замком. Страх перед отцом снова пересилил любопытство, и я вошла в кожевню.

Я застала сестру за снятием шкуры. Она разложила на разделочном столе очередного кабана пузом кверху и уже сделала надрезы вдоль ног и туловища. Марина была слишком увлечена своими аккуратными надрезами, чтобы заметить мое присутствие, а я не смела отрывать её от работы. Она провела острием ножа вокруг шеи и отделила шкуру от головы животного, затем содрала шкуру с тела. И тут заметила меня.

– Нашлась наконец? – с издевкой спросила сестра и взглянула на результаты своего труда, вытирая руки о полотенце.

– Я и не терялась, – тихо сказала я, опершись о косяк двери и чувствуя, что должна извиниться, но пока туши моего кабана здесь не было, извинения мне казались излишними.

– Зачем пришла? Неужели решила поработать сверхурочно? – язвительно проговорила она и обернулась ко мне с вызовом, словно ожидая ответной реакции, выпада, вспышки, но я была слишком уставшей, чтобы ответить, и просто усмехнулась её попыткам.

Я вышла в кузницу, чтобы уйти от разговоров с ней, и принялась перебирать инструменты на столе, прибирая за отцом. Но она поспешила за мной, и мне пришлось отвечать:

– Хотела прибраться, – соврала я.

– Ты понимаешь, что у тебя на самом деле гораздо больше свободы и возможностей, чем у любого другого из стаи, потому что ты – дочь вожака! – пылко проговорила Марина: Если тебе не нравится кузнечество, выбери что-то другое, пока не поздно!

Я понимала, на что она намекала. Послезавтра я лишусь семьи и начну работать в храме. Вот и причина, почему Алёша стал увереннее в себе. Готовит мне место. Под своим крылом... Но мне не нужны ничьи крылья! Я сама по себе и могу о себе позаботиться! Мне не нужна семья, чтобы выжить!

– Отец вряд ли делает мне какие-то поблажки, тебе только кажется! Ты же знаешь, для него в стае все равны, даже если речь идет о его ребенке! Он никогда не поставит мои интересы, мою жизнь выше стаи! – но видя, что она не намерена отступить, я продолжила: – Выберу, когда придет время!

– Время уже пришло... – устало проговорила сестра.

– Знаю! Отстань! – рявкнула я и отвернулась к столу.

– Знает она, – прошептала Марина, не собираясь прекращать нотации, но тут в кузницу ввалились Федор, Иван и Миша, неся на плечах моего кабана, и сестра замолкла.

– Принимай, Мариш, последнего кабана на сегодня! – пыхтя, заявил Фёдор, свалил перед сестрой мой трофей и довольно на него уставился.

Миша, отделавшись от туши, упал рядом с ней и пытался отдышаться. Иван привалился к косяку кузницы, его потемневшие от пота пряди прилипли ко лбу. Выглядел он уже не так привлекательно. Сестра обошла кабана по кругу, видимо пытаясь оценить его габариты, но вдруг её карие глаза округлились в удивлении.

– Что... это... такое?! – возмущенно воскликнула сестра. – Что за... Вы с ума сошли? Что за чудовище такое! И что мне прикажете делать с этими шрамами? Замаскировать под... Под что? И что случилось с бедным животным? Вы в него из пулемета стреляли? Пожалуйста, скажите, что это не вы сделали, скажите, что нашли его таким после браконьеров!

Я поняла, что мне срочно нужно уходить. Я попыталась протиснуться между Иваном и кабаном, но сестра схватила меня за шкуру и толкнула в угол кузницы.

– Какое ты имеешь к этому отношение, Эрика? – рявкнула сестра, и теперь мне стало страшно.

– Извиняться уже поздно, да? – скуксившись, прошептала я, пытаюсь смягчить сестру, но яростные огоньки в её глазах вспыхнули с новой силой.

– Ладно, сестрички, разбирайтесь тут сами. Нам пора! – пролепетал Миша, выползая из кузницы, чтобы не привлекать внимание, но сестра остановила и его.

– Заберите-ка мясо, – проговорила она, не отрывая от меня взгляда и по-прежнему не отпуская от себя. – Его нужно отнести в храм, в подземелья, пока не испортилось.

– Ничего себе! – возмутился Иван. – Ты так сказала, будто там пару килограмм унести надо! Тут кабанов-то...

Марина отпустила мой ворот, но я не посмела уйти. Она обернулась к парням и уперла руки в бока.

– Я сказала: взяли и унесли! А как вы будете это делать, мне знать не обязательно! Я делаю свою работу, а вы свою! Или вы предлагаете нам с Эрикой захватить мясо по пути домой?

– Не кипятись, Мариш! – воскликнул Федор. – Сейчас унесем! Мы же их как-то сюда принесли...

– Ага, – прошептал Иван, толкнув Федьку. – По одному.

Ребята поспешили в кожевню, к мясу. Сестра направилась за ними, чтобы проконтролировать. Она бросила на меня испепеляющий взгляд, чтобы я не думала уходить, но я и не собиралась. Я знала, что извиняться поздно и бессмысленно. Да и что я могла сказать в своё оправдание? Сказать, что не хотела портить шкуру и совершенно точно не выбирала такого монстра, что она права насчет меня или работы? Мне было стыдно рядом с ней, всегда было. Она такая трудолюбивая, словно пчелка, а я... Кто я? Даже сравнить не с кем. Каждое существо в мире что-то делает, работает, что-то значит, чем-то полезен. Кроме меня.

Марине не важны красивые слова, она – человек дела, и лучшим извинением будет помощь, хотя бы с моим кабаном. Я посмотрела на него: выглядел он и правда не очень. Но так всегда бывает, когда я позволяю своей кровожадной сущности взять верх. Три или четыре дыры принадлежали мне... Остальное с ним сделала его жизнь и... Иван.

Братья вышли из кожевни с огромными тачками, груженными мясом, но Иван не вышел. Вскоре до меня донеслись мягкие нотки его слащавого голоса. Подлизывается. Заходить внутрь я не решилась, но через минуту Иван сам вышел с такой же тачкой мяса, довольный собой, как будто несколько минут назад Марина не отчитала его, как подростка.

– Ладно, девчонки, мы пошли. А вы должны вернуться домой до темноты! Не забывайте! – крикнул Федор, и парни увезли всё мясо, оставив Марине лишь шкуры и моего кабана.

– Что все заладили: дотемна, дотемна! Для нас тоже ввели комендантский час? – возмущалась я, когда ко мне вышла сестра. Ее покрасневшие щеки и блеск в глазах были красноречивее слов. Целовались... Вот скользкий червяк! Умасливает её перед завтрашней игрой!

– Нам и правда лучше поторопиться, – спокойно проговорила Марина, надевая перчатки, хотя её дыхание до сих пор было прерывистым. – Если ты мне поможешь, мы быстро управимся.

– Хорошо, – удивленно отозвалась я, радуясь, что не пришлось даже напрашиваться на помощь. Это именно то, что нужно.

Я вошла вслед за ней в кожевню и осмотрелась. На полу уже лежали шкуры и лишь одна была до сих пор на столе. Сестра взялась за скребок и стала аккуратно счищать остатки мяса и жира с внутренней стороны кожи.

– Возьми ведро с солью, вон там, рядом с мешками, – кивнула она в сторону больших мешков в углу, и я прошла к ним. – И начинай обрабатывать нетронутые шкуры на полу. С обеда мне помогал Сеня, но как только начинается вечереть, его прям ветром сдувает отсюда. Но оно и к лучшему, от него толку маловато, больше убирать за ним приходится.

Я вопросительно посмотрела на неё, и она закончила:

– Рвоты. Вся кожевня уже ею пропахла. Становится невыносимо здесь находиться.

Если уж даже Марине не нравится запах, тогда всё действительно плохо. Я же находила все запахи в кожевне отвратительными. Она говорила о нашем двоюродном брате со стороны мамА. Он был моего возраста, низкого роста, как и все чистокровные белые волки. Реденькие волосы, окрашенные в рыжий, словно пушок покрывали его вытянутую, похожую на яйцо, голову. А темно-серые глазки-бусинки были схожи с глазами кабана, который несколько часов назад смотрел на меня посреди леса, испуская последний вздох. Сеня... Вообще его звали Александром. Сильное имя – для самого трусливого волка в стае! В целом он беззлобный, простоватый, глуповатый, но преданный брат. С его особенным для волка характером, профессия охотника или рыболова ему не подходила: он очень боялся кого-то ранить или обидеть, а может, просто боялся.

Работа с землей также прошла мимо него, когда год назад он всё лето помогал мамА с саженцами. В итоге загубил все до единого, полив их каким-то своим “крайне полезным” отваром. Когда Сеня совсем уж отчаялся, Марине понадобилась срочная помощь. Ей нужно было выполнить для мэра крупный заказ на ремни. Он собирался подарить эксклюзивные подарки на Новый год каким-то чиновникам из мегаполиса. Сеня очень помог ей тогда. Старался как мог, проводя в кожевне все свое время. Его помощь была велика, но Марина сказала, что это работа для него не подходит. После долгих расспросов ей пришлось сознаться, какого цвета бывает его яйцеголовое лицо, когда она сдирает шкуру с мертвого животного или отскабливает кусочки жира и мяса от кожи, как ей приходится отмывать шкуры и пол от его рвоты, как у него начинается сильнейшие приступы астмы с приемом медикаментов, когда они занимаются дублением или как она устала слушать его жалобы о том, что его нежные руки утратили мягкость и их нужно срочно смазать питательным кремом. Она отказалась принимать его на работу, но отец Сени, брат нашей мамА, очень настаивал, и у Марины не было выбора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.